

АНАСТАСИЯ ТОРОПОВА

Это просто дождь

Анастасия Торопова

Это просто дождь

«Издательские решения»

Торопова А.

Это просто дождь / А. Торопова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747677-9

Поле боя, на котором вот-вот развернётся одно из многочисленных сражений эпохи. Девчонка, которая добровольно пошла на войну, стоит в первых рядах, ожидая начала. Что делать? Как выжить? Да начнётся битва... механический голос, объявляющий остановку — это реальность, а поле боя лишь фантазии девушки, ехавшей в метро на работу. Типичное имя. Нетипичные увлечения. Куда заведут её жизнь и собственное воображение?

ISBN 978-5-44-747677-9

© Торопова А.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Это просто дождь

Анастасия Торопова

** Если бы ты написала книгу о своей жизни,
я бы бросила читать страничке на третьей.*

Ну, не дразни. Не поспоришь ведь...

**Хочешь попробовать?*

А художественный вымысел приветствуется?

Дизайнер обложки Светлана Гаврилова

© Анастасия Торопова, 2017

© Светлана Гаврилова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-7677-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что за тяжёлое ощущение... Тишина давит. Шелест знамён и близкое дыхание людей настораживают и без того напряжённый слух. Трудно дышать. Ветер нестерпимо сухой и душный опустил лёгкий занавес пыли в ожидании битвы. Командирам осталось лишь произнести два слова... и история этого сражения начнётся.

Летописцы напишут, что это была одна из многочисленных битв в Эпоху Великих Войн – время, когда воевать значило жить. Либо ты сражаешься за власть и политическое превосходство на землях, либо будешь разбит на части и поглощён другими царствами. Ибо язык войны – единственный, который понятен на любой территории. Эта Эпоха явила себя в разное время на всех концах света. И сейчас... я стану частью этой Эпохи.

Ха, я стою в первом ряду. Не знаю, радоваться мне или плакать. Я уже чувствую, насколько остры копыта противников, что стеной стоят передо мной и такими же несчастными, кому «повезло» попасть в первую линию. Как известно, первые ряды в атаке играют роль живого (а потом уже мёртвого) щита для последующих и служат лестницей успешного прорыва в ряды противников. Полагаю, об этом сейчас думает передовая шеренга, в составе которой оказалась и я. Чёрт, пить хочется.

Ветер стих. Пыль осела.

«В атаку!» – два слова, и равновесие нарушено. Два слова, и тишину сметает сумасшедший рёв голосов и труб. Два слова, и тысячи людей готовые к смерти бегут навстречу противнику, оставив позади все сомнения.

Как же быстро растёт стена врагов впереди! Я уже различаю их лица и детали экипировки. Луч солнца яркой звездой вспыхнул на конце копыта, нацеленном мне в грудь... и я не приму его остриё в свои объятия! И не буду никому ни щитом, ни ступенькой.

Ха-ха, легко сказать! Три секунды до столкновения... У них короткие щиты, ноги не прикрыты ими полностью, но то, что ниже колен защищено лёгкой бронёй. Две секунды до столкновения... Из-за ширины щитов они стоят не очень плотно друг другу, и между выставленными вперёд копытами есть промежутки. Я могу проскользнуть туда боком, но упрусь в стену и лишу себя пространства для атаки. Не говоря уже о том, что идущие за нами ряды просто размажут меня о вражеские щиты. Одна секунда до столкновения... Над копытами мне не подпрыгнуть. И думать уже некогда. Значит... вниз!

Я поднырнула под вражескими копытами и рассекла ноги неприятеля мечом в одной руке и кинжалом в другой. Царапины. Несерьёзные. Но этого хватило. Враги в замешательстве

затоптались на месте, выискивая опасность, и открыли маленькую брешь в своём построении, в которую тут же, как река сквозь трещину в дамбе, хлынули наши солдаты. С криками, шумом и лязгом они ворвались в ряды противников, как голодный зверь бросается на добычу.

Чуть не затоптали. Едва успела встать, ударившись обо что-то головой, в мою спину что-то врезалось. Я еле устояла. Жива. Вперёд. Только вперёд. Цель – всё, что цвета вражеской униформы. Я больше не различаю ничего: ни лиц, ни криков, а знамёна так высоко, что некогда отвлекаться и поднимать голову. Остановись. Повсюду враги. Слишком глубоко врезалась. Какой сухой воздух...

Вскоре всё настолько смешалось и завертелось, что стало непонятно, где был фронт, а где тыл. Но стало свободней. Где я? Ох, перед битвой нас разделяли на «пятёрки». Те, кто бежал справа и слева от меня... даже думать не хочу, что могло с ними случиться. А ведь я должна была держаться их. Забыла обо всём на свете! Нужно найти их. Как?

Вжих! Если бы не мои рефлексy, я бы осталась без глаза или головы. Чей-то меч просвистел над ухом. Отправляйся в ад. Я не для того выжила в первых рядах, чтоб умереть сейчас от твоей руки. Куда же... Едва успеваю парировать удары, слишком часто оглядываюсь на тыл. Больно. Меня будто ранят со всех сторон. Враг впереди и справа, и слева. Куда мне двигаться? Знамя нашего отряда! Оно укажет мне путь вперёд.

«Станция „Цветная“. Уважаемые пассажиры...» Э? Чего!?

«Станция „Цветная“. Уважаемые пассажиры...»

А, приехали. Эх, а я только увлеклась.

«...просьба побыстрее производить посадку и высадку из вагона. Не задерживайте отправление поезда».

Да-да, сейчас. Эй, вы, в первых рядах, прорывайтесь активней, за вами... Кажется, ещё не отошла... Так, забыли про битву. Я в метро, иду на работу.

На выходе из вагона кто-то из входящих пихнул меня локтем и наступил на ногу. Я обернулась, но увидела только спину, яро протискивающуюся в поезд. Ох, молодой человек, я безумно счастлива, что вы оставили след своего протектора на моём (только накануне вычищенном) ботинке. Видимо, вы настолько торопились зайти в транспорт, что на извинения у вас просто не осталось времени. Понимаю... да чтоб ты на самую грязь наступил! Я не для того чистила обувь, что бы кто-то об неё ноги вытирал!

Привычный маршрут до офиса. Молчаливый охранник, провожающий взглядом. Сломанный лифт и шестьдесят восемь ступенек до нужного этажа. Дверь с табличкой «Рекламное агентство (безвкусное название опустила)».

– Привет, ты рано, – прокрутилась в офисном кресле коллега.

– Привет. А сама-то?

– Мне вчерашнюю работу надо закончить.

– А-а. Не забудь отправить текст мне, а то опять скажут, что это я халтурую.

– Оки-доки.

Небольшое помещение, два окна, несколько столов с компьютерами, кулер с водой, общий обеденный столик, шкаф-стенка со всяким канцелярским барахлом. Арендуется недавно, ибо упомянутое агентство сколочено меньше года назад и пытается плавать в нынешнем рекламном рынке с акулами.

Я здесь – корректор, в простонародье и этом офисе – бета. Поэтому вышеупомянутую коллегу называют альфой. Она пишет рекламные тексты, слоганы, презентации, буклеты, я – их правлю и перевожу на человеческий язык. Конец разъяснениям о моей работе.

Хм? Как на самом деле зовут её или хотя бы меня? Да какая разница!

Я устроилась за своим столом, автоматическим движением включила компьютер и по привычке пролистала новостные ленты в интернете. Всё тривиально: ограбления рядовых граждан посреди улицы на пару миллионов, внесение новых странных предложений для законопроектов, фотографии котиков, реклама сообществ в социальных сетях с довольно глупым текстом, мольбы о денежных пожертвованиях – ничего, на чём задержался бы взгляд.

Я провела в тишине несколько минут, пока вскоре остальные члены профсоюза офисных планктонов тоже не появились с выражениями лиц в духе «дождливый понедельник». Моё общение с ними ограничивается сухим «Привет», бурчащим «Пока» и выяснением рабочих вопросов. К счастью, до стадии более продвинутого общения дело ещё не дошло. Как показывает опыт, продвинутое общение с людьми, на существование и личную жизнь которых мне попросту плевать (а это очень близкое к 100% число проживающих на данной планете), приводит, мягко говоря, к натянутым отношениям...

Эй, я вовсе не мизантроп, и людей с позицией, подобной моей, в мире полным-полно. Просто предпочитаю заниматься только своими делами и всем того же желаю.

– Всё, отправила. Лови документ, – отозвалась альфа.

С этой фразы обычно и начинается моя бурная рабочая деятельность... Бог ты мой. Если бы рекламируемый йогурт был сознательным существом, то после прочтения вот этого на него бы нашёл приступ нарциссизма. Вот только...

– Слушай, а ты не слишком завернула? – я развернулась к альфе. – Это же текст для рекламного проспекта, а не научной диссертации.

– Хочешь сказать, я написала диссертацию про йогурт? Оказывается, я могу быть профессором, – улыбнулась альфа, откинувшись на спинку стула и скрестив пальцы на затылке.

– Нет, на профессорский стиль тут не похоже, но эти четырёхэтажные предложения простят только в диссертации. Ну, вот смотри с четвёртой строчки. Мало того, что это **ОЧЕНЬ** сложноподчинённое предложение, так ты туда напихала ещё и кучу вводных конструкций и дополнительных частей. Например, здесь стоят подряд два подчинительных союза, а после них ещё и причастный оборот с вводным словом, что в итоге даёт запятую чуть ли не после каждого слова. А в конце у тебя идут два обособления. Причём одно обособляется запятыми, а перед вторым идёт тире, так как оно завершает предложение. Представляешь, какой визуальный кавардак тут будет со знаками препинания? И ты злоупотребляешь частицами. В половине случаев они не нужны, а только грузят предложения лишними словами и дефисами. Ты понимаешь, о чём я? – будничным тоном поинтересовалась я.

– Нет, – буркнула альфа, снова уставившись в свой монитор.

Тц, она меня вообще слушала?

– Ну, всё, бета, ты её загрузила, – встрял в разговор дизайнер – Это ж твоя работа такие косяки исправлять. Вот и правь.

А этого любителя мате¹ и снисходительных объяснений, что это такое, я вообще не спрашивала... Конечно, не скажу этого вслух. Зачем мне конфликты?

– Короче полностью переписать за неё текст... – вместо этого вздохнула я и сделала кислую физиономию.

– Вот чего ты прикопалась! Вечно тебе что-то не нравится!

Извините, это моя работа. Мне за неё платят. К тому же это был риторический комментарий. Я же знаю, что альфа в любом случае не станет ничего переписывать, но тут понеслось.

– Бета, надо быть добрее к людям. Смотри, как ты альфу расстроила, – усмехнулся программист.

И этот встрял. Если кто-то задевает альфу, за неё тут же вступается дизайнер, и не важно, из-за чего сыр-бор. А куда встрял он, туда же лезет и везде-сующий-нос программист. По-

¹ Мате – тонизирующий напиток с высоким содержанием кофеина, «парагвайский чай», популярен в Аргентине

моему, не будь тут это компьютерщика, наш дизайнер был бы очень приятным в общении парнем! Но в паре они начинают наезд. Ну что за стадный инстинкт! Хорошо, хоть бухгалтер с SMM-менеджером заняты своими делами и не вмешиваются.

...Похоже, я всё-таки нарвалась на конфликт. Да, возможно, я ляпнула не самую мировую творческую фразу века, но...

– Исправь сама, что тебе стоит, раз ты знаешь, что делать, – продолжал настаивать дизайнер, и в его голосе послышались нотки раздражения.

Это стоит мне усилий, которые не входят в мои рабочие обязанности. К тому же мы это уже проходили: я как-то привела текст в божеский вид, практически полностью его переписав. Благо, это я умею. А на следующий день слышу: какая альфа молодец, такой хороший текст написала, всем понравилось. Это, знаете ли, немного... В общем, не надо думать, что я просто вредная! Я пробовала принимать позицию: правлю только грамматику и орфографию, остальное – дело альфы. В итоге за паршивый текст влетало нам обеим.

**Хочешь совет?*

Хмм?

**Завязывай с описанием своих будней. Уже скучно.*

Цыц. Я только начала.

**Хочешь написать что-то в духе «Дорогой дневник...»*

Вот ещё! Что за банальность.

Нет, у меня не раздвоение личности. Нет, и даже не шизофрения. То, что со мной разговаривает, лишь я сама, не более и не менее. Можно называть это по-разному: внутренний голос или совесть. Факт в том, что это нечто обычно поднимает меня по утрам с постели, заставляет убираться в комнате, иногда подбадривает и редко со мной соглашается... Нет, я определённо отказываюсь называть своего лучшего друга и самого близкого собеседника психическим расстройством.

В результате наезда на меня половины сотрудников офиса и с молчаливого согласия другой половины переписывать текст пришлось мне. Подобные пересуды периодически случаются, поэтому предпочитаю вообще лишний раз не открывать рот. И это ещё не так плохо. В пору моей работы официанткой была у меня одна коллега, которая очень походила на распостранённый в американских фильмах образ работницы дешёвой забегаловки: пухлые губы в яркой помаде, огромные неестественные ресницы, короткая юбка, мужицкие манеры, грубый характер, речь нецензурного содержания. Вечно на меня орала и часто без повода. А я что? Я молчалива и себе на уме, и обстановка тому располагала.

Ведь в первый месяц работы в том ресторанчике я тупо стояла большую часть смены у входа на сквозняке и с усилием улыбалась вошедшим посетителям. Сотня однотонных «здравствуйте» и «до свидания» каждый день, заучивание сложного меню и разглядывание пролетающих птичек – вот и весь рабочий день. Иногда удавалось перекинуться парой слов с охранником-гардеробщиком, чтобы скрасить ожидание конца смены:

– Смотри, ворона так важно вышагивает по тротуару, будто она директор ресторана.

– Знаешь, я не против, чтобы у нас директором ресторана была ворона.

Трудно поверить, но на предыдущей работе было ещё хуже. Тогда на моей груди гордо красовался бейдж «продавец-консультант» магазина косметики. Его директор с девизом «Всех оштрафую, поубиваю, уволю» появлялся там почти каждый день и высказывал все свои... эм... пожелания:

– Плевать, чего хочет клиент. Он должен купить то, что нужно нам. Показывай ему дорогие эксклюзивы.

– Но он не хочет дорогие эксклюзивы, он специально просит что-то подешевле.

– А ты тут для чего? Нахвали ему дорогой товар! Неважно, чего он хочет. Если не продашь к концу месяца норму, штраф будет!

На это я могла ответить лишь тем же молчанием. Штраф! Если от трёх копеек отнять ещё полторы копейки... Ситуация была и впрямь мрачновата:

- Ты почему в кедах? Здесь все консультанты балетки носят.
- У меня нет балеток.
- Купи!
- У меня нет денег.
- У тебя зарплата была.
- Такая большая, что её хватило только за комнату заплатить.
- У нас тут вообще-то штрафуют за нарушение дресс-кода. Разберись с этим.

Опять штраф! У меня на еду-то почти не оставалось. В тот же день поздно вечером ко мне постучалась соседка, которая жила в другой комнате:

- Звонила хозяйка квартиры. С этого месяца плата повышается.
- Почему?
- Сейчас все цены повышают. Она и так долго ждала.
- Ясно...

В тот день я плакала так горько, что даже внутренний голос был не в силах меня успокоить. «Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо», – шептала я в потолок. Не потому, что верила в хорошее. Это были просто слова, что слетали с моих губ и тонули в тишине и темноте.

«Если когда-нибудь скажу „бывало и похуже“, это будет вот об этом», – вот что я сказала себе на следующий день. В итоге я с трудом отыскала комнату дешевле и переехала, а из магазина ушла сразу, как получила ответ с другого места работы. Должна сказать, это был единственный положительный ответ из двадцати.

Я закончила править тексты через десять минут после официального конца рабочего дня. Кто-то из коллег уже отправился домой, кто-то ещё корпел над недоделанной работой или просто сидел в интернете. Бросив всем спокойное «Пока», я вышла на улицу и полной грудью вдохнула влажный и холодный воздух слишком рано наступившей осени. Свободна.

Настало время долгой поездки домой. Люблю его. Именно тогда я начинаю жить насыщенной жизнью: слушаю любимую музыку, читаю книги, придумываю альтернативные реальности. Сегодня мой плеер заявил о разряженной батарее и отправился спать ещё утром. Но это ничего. Я могу занять себя на час-другой, имея лишь собственное воображение.

**Тогда, может, отключить тебе дома интернет?*

Эй, я сказала «час-другой», а не всё свободное время. Ты же знаешь, что я делаю в интернете много интересных вещей: играю в го², читаю книги, новости, познавательные статьи всякие...

**...а также комиксы, собираешь паззлы, играешь в компьютерные игры, проходишь дурацкие тесты, сохраняешь забавные картинки, смотришь мультфильмы...*

...фильмы, слушаю музыку. Всё это даёт пищу для размышлений, и моя фантазия богатеет. Так что это вклад в собственное развитие, прошу заметить.

**...*

Просто размышляя и слушая музыку, я могу представить любую эпоху и реальность. Я танцевала на балах, лазала по скалам, играла в театре, участвовала в уличных драках, фехтовала, путешествовала, отдыхала в самых живописных уголках природы, играла на музыкальных инструментах, пела песни, принимала участие в приключениях героев книг и фильмов, представляла будущее онлайн-игр, управляла городами, выживала в сражениях.

² Го – логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад

Сегодня утром воображение спонтанно нарисовало довольно увлекательную вселенную. Мой взгляд тогда упал на афишу какой-то выставки об эпохе до нашей эры, и меня понесло напрямик на поле боя. То, что женщин тогда не брали в солдаты, и прочие мелочи жизни моя фантазия любезно опустила. Но я чувствовала, как бьётся моё сердце, а меч рассекает воздух, устремляясь в бой.

Не скажу, что люблю войны, но они включают во мне какой-то одухотворённый азарт. Правда, это относится только к войнам века так до пятнадцатого. Дальше пошло активное использование ружей, пушек, потом танков, ракетных установок, заканчивая ядерным бомбом. Современные войны словно лишены чего-то человеческого и превращаются в битву технологий, где люди – просто мясо. В древние эпохи не было техники, и это позволяло по максимуму использовать возможности человека.

Если на минутку забыть про рабовладельческий строй, были примеры, где таланты перевешивали происхождение, потому что этим талантам было применение. Труды древних мудрецов и теоретиков до сих пор изучают учёные. Но что меня более привлекает в войнах прошлого, так это то, что при объективных обстоятельствах твоя жизнь зависит от твоего мастерства с оружием и твоего ума. Сейчас... даже если у тебя высокий IQ, ты можешь умереть от руки грабителя, даже если ты мастер меча, тебя убьёт пистолет в руках дилетанта. Не говоря уже о таких тривиальных случаях, когда умнейшие люди города или страны работают за гроши на кого-то, кто туп как пробка и пользы от него обществу с гулькин нос. Это как-то печалит.

В моём мире такого не будет, и я возвращаюсь туда. Моё сражение ещё не закончено.

Я остановилась, когда солнце, уже давно миновав свой зенит, клонилось к западу. Сколько часов прошло? Помню лишь, что всё это время я не выпускала оружие из рук. Оно было моей единственной нитью, отделявшей жизнь от смерти... Мозоли кровоточат. Ох, у меня ещё локоть оцарапан... и плечи, и бедро, и щека. Немного болит.

Да, теперь я помню. Как только я отыскала свой отряд, сзади послышался сигнал к отступлению. Мне казалось, что слух меня подводит, и это какой-то другой сигнал или отступление трубят враг, но нет.

Зачем отступать? Перегруппировка? Или командир потерял надежду прорваться сквозь вражеские ряды? Спокойно. Я сделала глубокий вдох. Подождите-ка... Почему отступает только третья армия?

Перед битвой всё наше войско было поделено на три армии: первая в центре, вторая и третья по флангам. Левый фланг второй армии упирался в реку, как и фланг противника. Естественная преграда защищала оконечности армий. Они могли столкнуться только лоб в лоб. Трудно точно сказать, что там происходит, но, похоже, что ни наш, ни фланг противника так и не смогли сдвинуть друг друга с места и разбить построения. Несмотря на то, что наши ряды растянулись, это не только не мешало второй армии удерживать строй, она ещё оказывала давление и на центр противника.

Первая армия же, напротив, вела довольно пассивный бой. Возможно, ей был дан приказ удерживать позиции и оказывать поддержку флангам. Её ряды стояли каменной стеной, и никакой вражеский таран не мог её сокрушить.

Что касается нашей третьей армии... Как в ситуации со второй, атака противника с фланга исключалась. Его защищала другая естественная преграда – холм с крутыми склонами. Пехота, может, и смогла бы по ним забраться, но в такой близости от вражеских построений... скорее, это они бы устроили нам засаду, чем один из наших отрядов сумел бы незаметно там расположиться. Может, враг таки это сделал, и мы несём потери из-за внезапного нападения с фланга? Если бы наша ситуация и впрямь резко изменилась в худшую сторону,

то должен был подняться шум: восторженные возгласы противника и замешательство наших солдат! Ни о чём таком на этой линии фронта не слышали. Напротив, всё выглядит так, словно за весь день равновесие сил так и не было нарушено. Зачем отступать? Я смотрела на линию фронта. Зачем?

Внезапно кто-то сбил меня с ног и, уже удаляясь, выкрикнул:

– С дороги! Сейчас нас на клочья порвут!

За нами погоня... Чувствую, как мои плечи трясутся, а земля дрожит. Сухой воздух и пыль застряли в горле. Если останусь стоять, этот удар меня убьёт! Вражеская конница, что всё это время бездействовала, уступая роль движущей силы пехоте, выдвинулась на всей скорости, добивая наших отступающих солдат. Бежать. Скорее!

Я пробежала шагов двадцать, но, обо что-то запнувшись, упала и ударилась локтем. Мёртвое тело. Я не смогу быть быстрее лошадей...

– Эй! Ты что делаешь? – какой-то воин увидел меня в тот момент, когда я перетаскивала трупы.

А сам он чего остановился? В изумлении от того, что я не бегу, а сооружаю какую-то гору мёртвых тел? Ну да, я сошла с ума. Примостила щиты к этой горе, обозначив полукруг, и взяла на вооружение пару копий. Воин посмотрел на меня, потом на приближающуюся погоню и снова на меня. Затем он вдруг начал пробираться ко мне сквозь поток отступающих солдат и стал помогать с последними штрихами. Получилось что-то вроде небольшого барьера на пути наступающего врага. Я укрылась за ним.

Земля дрожит нестерпимо. Неужели даже она боится этих всадников?

Тот воин улёгся рядом.

– А тебе-то чего? – буркнула я.

– Ты правда думаешь, что подобное... э-э... сооружение защитит нас, и они проедут мимо?

– Откуда же мне знать.

– Ты дрожишь, – у него самого голос выдавал огромное напряжение, а волосы словно готовы встать дыбом.

То же мне «храбрец»!

– Это земля дрожит, – как можно спокойнее отозвалась я.

– Допустим, конница нас не заметит, а что с бегущей за ней вражеской пехотой?

...Об этом я не подумала.

– Менять план всё равно уже поздно, – пробормотала я и накрыла ладонью руку, сжимающую копьё. Не дрожи.

Последние отступающие оглядывались и продолжали бежать ещё быстрее. А глухой гул от конских копыт нарастал непрерывными раскатами грома всё ближе и ближе. Мы остались одни перед ним, одни перед этой бушующей стихией войны, одни лицом к лицу с густой темнотой смерти. Шум стал таким нестерпимо громким, что я выронила копьё и закрыла уши руками. Так. Спокойно. Попыталась сделать глубокий вдох, но чихнула и закашляла от пыли.

Резкий топот. Над землёй поднялось густое облако! Первые лошади пронеслись внезапно, неся вооружённых длинными копьями всадников. Потом ещё и ещё. Не останавливаясь, они проносились мимо тёмными смазанными силуэтами, оглушая и лишая воли сдвинуться с места. Через несколько мгновений я привыкла к этому звуку и мелькающим в пыли всадникам и снова взялась за копьё.

– Постой. Что ты...

Ты прав, вражеская пехота – это будет неприятно.

Я слушала, притаившись. Всё ещё скачут, но большая часть нас уже миновала. Земля видит всё – я чувствую, что пик её дрожи уже позади. Вот и последние всадники... Сейчас!

Я выпрыгнула из своего укрытия и метнула копье в спину удаляющемуся всаднику. О-ёй. Как же плохо я метая копьё! Он меня заметил и возвращается! Если тебе нужен всадник, убей коня. К чёрту копьё! Только бы хватило длины меча!

Внезапно у меня над головой пролетело копье и вонзилось в грудь всадника, насквозь пробив его лёгкие доспехи. Ах, тот незваный сосед.

– Фух, ну и напугала же ты меня, сумасшедшая! Выскакивать так резко, да и ещё с такими плачевными навыками.

Эй. Моё оружие – меч! Ясно тебе?!

– Тебе ведь лошадь была нужна? Или ты уже и её собиралась убить?

Нужна. Но об этом в последнюю секунду своей жизни я как-то забыла.

Мой товарищ поймал под уздцы остановившегося после потери наездника коня и ловко запрыгнул в седло. Эй, это моя лошадь!

– Садись! Быстро! – он подал мне руку, но смотрел вперёд, откуда к нам уже со всех ног неслась вражеская пехота, чтобы добить всех, кого не коснулась первая волна атаки.

– Дай мне поводья! – я неуклюже влезла на лошадь, села впереди товарища и выхватила повод из его рук.

Не то чтобы мне до этого часто приходилось ездить на лошадях... Но с этой формальностью мы как-нибудь справимся (фантазия разрешила). Ударив коня по мокрым горячим бокам, мы понеслись по диагонали от приближающихся врагов в сторону нашего центрального войска.

Однако на полпути к нему я сбавила темп, а мои глаза широко раскрылись от увиденного.

– В чём дело? – не понял товарищ.

– Посмотри. Там брешь.

Как только вражеская пехота и всадники устремились в погоню за отступавшими, в прежде идеально плотном строю неприятельской армии появилась огромная дыра, куда на всех порах мчалась отборная конница из второй и первой армий. Сзади слышались боевые кличи наших воинов: третья армия начала контрнаступление. Первое войско отправило часть своих сил в тыл преследователей третьей. В это время наша конница уже смела ряды вражеских пехотинцев.

Столь долго балансирующее между чашами весов равновесие было разбито вдребезги. Исход сражения определён.

Вечер не принёс прохлады. Воздух по-прежнему оставался сухим и тяжёлым от запаха крови. Я смотрела на поле боя, усыпанное тысячами мёртвых. Не вижу в них людей, лишь тела. Лучи заходящего солнца играли на бронзовых щитах, наконечниках копий, мечах и частях экипировки.

Как всё это произошло? По чьей невидимой воле? Я даже не знала, что наше отступление было мнимым. Мы стали слепой приманкой. «Так нечестно», – детская мысль. Я чувствую себя незначительной и ненужной. Если бы я умерла, то просто превратилась бы в одно из множества мёртвых тел, и никто бы не заметил, ничего бы на этом поле не изменилось. Полководцы бы продолжили вершить свои замыслы и писать историю. Ведь поле боя принадлежит им. Всё происходит по их слову, только их глаза смотрят сквозь эту резню и видят то, чего не заметила я. До чего же обидная истина.

– Хэй! – меня окликнул сосед. – О чём задумалась?

– Дождя бы, – беспечно бросила я.

– Да, дождь – это хорошо, – серьёзно согласился он и добавил. – Я Идаир, кстати. Будем знакомы!

– Акили.

Я прошла боевое крещение, но то, что я искала на этом поле, ещё более от меня ускользнуло. Я найду это. И научусь видеть то, что действительно важно. Я хочу увидеть поле боя. Я хочу им управлять.

**Ты же и так его видела. Во всей красе оно развернулось в твоей голове.*

Знаю, но там «я» – это Акили, и «я» не видела. Похоже, эта вселенная займёт меня дольше, чем на пару поездок. Этакая альтернативная жизнь, которая не покинет моё воображение, пока я не проживу её всю до капли. Идаир, да? Будешь мне другом в той жизни. Должен же у меня хотя бы там быть друг.

После бури эмоций во время сражения выходить на станции по объявлению механического голоса и медленно брести к автобусной остановке кажется чем-то скучным и прозаичным. Лишь прохладный воздух даёт свободу сдавленным вымышленной духотой лёгким.

...Я жду этот автобус уже тридцать пять минут. Я замёрзла. Где тот горячий воздух? Ладно, идти всего три с половиной километра. Уже давно стемнело, а улицы пусты. Да, бродить по ним одной, подумаешь, сумасшествие. Случись что здесь, никакой Идаир не придёт помочь. Я и не жду. Что на поле боя, что тут... сама по себе и за себя. Я иду по лужам, мне никто не нужен, но и вы тогда ничего не ждете от меня – по-моему, замечательная позиция. Во всяком случае, лучшая из всех, что я пробовала в жизни.

**Ну да, во всех твоих более отзывчивых позициях об тебя вытирали ноги*

Не будет этого.

**Не будет*

Этот чёртов автобус проехал мимо меня через десять минут после моего ухода с остановки. Вот же ж...! Дождь опять моросит. Холодно. Жалко, у плеера закончился заряд.

– «Tell Me What The Rain Knows. O are these the Tears of Ages...»³

У меня сегодня ещё столько дел. Нужно найти себе книжку на завтрашний рабочий день. Да, именно для чтения в рабочее время. Должна же быть на работе хоть какая-то радость? У меня, конечно, есть целый список книг, которые я бы хотела прочитать, но смотрю сейчас на этот список – какие-то сложные произведения я навывбирала. Хватит образовательных книг, немного устала от них.

В прошлый раз, когда мне захотелось лёгкого чтения, мой досуг скрасили «Мушкетёры» Дюма. Легче чтения не придумаешь: примерно половину книги эти мушкетёры плюс д'Артаньян вляпывались во все происходящие в городе неприятности, и там же, конечно, совершенно случайно оказывались и гвардейцы кардинала. И каждый раз после этого святой начальник мушкетёров шёл к королю и отмазывал их. Всем бы таких шефов!

Сейчас думаю почитать Агату Кристи. Всегда было любопытно, что это за знаменитое «Убийство в Восточном экспрессе». Что? Хочешь спросить, когда же я работаю? Ну, знаешь ли. Зависит от загруженности...

**Вовсе нет. Просто ты, бывает, отлыниваешь от работы*

Эй, четыре часа в день я могу работать, ещё два-три часа отлынивать от работы, но в своё прочее время я могу заняться чтением.

** Может, хоть иногда будешь использовать прочее время, чтобы наладить контакт с человечеством?*

Контакт? Зачем мне контакт с ними? Мы просто работаем вместе. Они ничего не знают обо мне – я ничего не знаю о них. Ну, разве что всякие мелочи вроде семейного положения и их ежедневных привычек. Например, дизайнер женат, имеет малолетнего сына, мнит себя

³ Песня Маайи Сакамото «Tell Me What The Rain Knows»

повелителем мате и чувствует неоспоримое превосходство в разговоре, если его собеседник не имеет представления о природе этого самого мате и вдруг спросит: «Что это?». Правда однажды к нам в офис приходил курьер и заметил невзначай, что дизайнер свой мате неправильно заваривает. Бедный парень даже растерялся и не знал, что ответить. Он-то привык считать себя императором этого напитка. Для него это был шок.

Программист холост. Для того, кто разбирается в дебрях языков программирования, его собственный язык чересчур болтлив, а нос вездесущ. Проходя мимо других столов к своему рабочему месту, он обязательно заглянет в каждый встретившийся монитор и в лучшем случае промолчит.

Альфа тоже не замужем, носит мягкую игрушку на брелке с ключами. На мой взгляд, красится чересчур ярко и вообще озабочена своими внешностью и весом. Для этой черты её периодический выбор коктейльного платья в комплекте с огромными кроссовками в качестве офисного прикида выглядит странным. Её гордость просто стеклянная – может оказаться поцарапанной любой мелочью, и тогда начинается бурный словесный процесс её восстановления, к которому часто подключаются вышеупомянутые коллеги.

Есть ещё бухгалтер (образцовый семьянин с двумя детьми, доброта душевная), SMM-щик (холост, постоянно зависает в интернете) и наш редкий гость – начальник (два высших образования, вторая попытка основать свой бизнес).

Все эти сведения – просто ерунда, они не сблизили нас ни на сантиметр. Если бы эти люди были героями книги, то по информации, данной мной, читатель обвинил бы автора в абсолютной картонности персонажей, словно они просто массовка. В книге так быть не должно, ведь она обязана быть яркой, насыщенной образами и интересной, в отличие от реальности.

Хотя обвинить меня не в чем, я пыталась наладить реальный контакт, чтобы вывести этих людей из разряда массовки моей жизни...

– *Альфа, пойдём обедать!* – звал её дизайнер.

– *Не, не хочу сейчас.*

– *Давайте я вам компанию составлю,* – отозвалась я.

– *Мы вообще-то только альфу звали,* – заметил программист с покер-фейсом.

Тц. Вопрос снят. Даже предлагать большие не буду.

Но всё же пару раз ходила с ними обедать... и не произнесла за весь час ни слова. Они так громко разговаривали и смеялись, а мне было совершенно не смешно от их шуток, уж слишком дурацкие они были. Их темы ни капли мне не близки, но даже если бы я захотела что-то сказать, то просто не смогла бы вставить ни слова в их бурный и увлечённый словесный поток. Словно я была среди них лишней, словно меня там вообще не было.

Сейчас я не делаю ничего подобного. Все они для меня такое же рабочее времяпрепровождение, как и я для них. Всего лишь временная замена настоящих связей. Этого хватает, чтобы выжить. Эй, ты меня вообще слушаешь?

**Не-а*

Вот же...! Ну да, о чём это я... жаловаться на жизнь собственной совести

**А больше ведь некому*

– «Tell Me What The Rain Knows. O are these the Tears of Ages...»

Звуки скрипки и гитары. «The Price of Freedom»⁴ – мелодия моего пробуждения. Почему у всех такие сложные взаимоотношения с будильником? Я встаю сразу и никогда не использую кнопку «Позже», да, я такая существую... Правда, это не отменяет того факта, что я ужасно ленивая и предпочту лишний часок поспать, чем, например, выйти на пробежку.

⁴ Саундтрек из видеоигры «Final Fantasy VII Crisis Core»

Итак, сегодня великий день! Во-первых, пятница. Во-вторых, сегодня должны быть известны результаты. Я отправляла на Собрание молодых писателей свою рукопись.

**Ты её на все собрания, совещания, форумы и конкурсы отправляла...*

Должно получиться. В конце концов, масштаб конкурса не настолько велик, чтобы пришлось соревноваться с мировыми именами.

**Тебя даже мировые имена не остановят. Всё равно отправишь*

Я никому об этом не говорю. Знаю, о чём подумают люди: мол, очередной графоман. Да что б все знали, я НЕ графоман!

**Каждый графоман это утверждает*

Это просто часть моей жизни, я не могу не писать... Блин, такое чувство, что я оправдываюсь.

Мы снова встретились во время очередного военного похода, целью которого было отвоение исторически принадлежащих нам территорий. Пф, очередной предлог. Путь предстоял на северо-восток от границ нашей страны, поэтому сбор войск осуществляли недалеко от северной приграничной крепости. Наш царь, как и большинство правителей этого времени, лелеял мечту об огромной и могущественной империи, что простоит века. В отличие от него, амбиции простых солдат, что воплощали в жизнь эту мечту, были куда скромнее.

– Тебя можно поздравить? Слышал тебе дали отряд под командование.

– Идаир. Давно тебя не видела. Ты, наверное, бегал по полям сражений со *своим* отрядом?

– Ха-ха! Добываем славу везде, где можем.

– И как? Они хорошо тебя приняли в качестве командира?

– Конечно! Моя речь сразу воодушевила их на подвиги! Эй, не смотри на меня с таким скепсисом.

Вот бахвал... Озорной как мальчишка. Что ж, и в этом поведении есть своё обаяние.

– А как тебя встретили? – Идаир по-дружески пихнул меня локтем.

– Я ещё с ними не знакомилась, – пихнула я его в ответ и добавила неуверенно. – Что мне им сказать?

– Ну... – задумался Идаир, похоже, у него с эти проблем вообще не было. – Представься им.

– А потом?

– Скажи пару торжественных слов...

– Ха? «Торжественных»...

– В любом случае не мнись, как девчонка!

– Знаешь, в глазах большинства людей я и есть девчонка.

– Эм, – он почесал затылок, а потом сказал серьёзно. – Просто думай о том, что заслужила это – стоять сейчас перед ними как командир.

Это обнадеживает. Не зря же я носилась по полям сражений как сумасшедшая, чтобы меня заметили.

С тех пор прошло немало битв. Царства то и дело сталкивали свои армии, дабы расширить влияние на континенте. Карта земель менялась так быстро, а границы крупных царств так стремительно поглощали более мелкие, что казалось, будто мы за один год переживаем события четверти века, и нет времени опомниться и привыкнуть к переменам. История разогналась подобно песчаной буре и стирает всех, кто не успевает за её стремительным движением.

Нам нередко приходилось воевать сразу на нескольких фронтах и без передышек. Это выматывает, мозоли от меча грубеют, а запах сражения становится привычен. Это и есть Эпоха Войн.

Со времён первой битвы я старалась не повторять прежних ошибок. Даже в пылу атаки, я находила секунду, чтоб остановиться и подумать. Я не бросалась вслепую на врага, а прикидывала, где в его строю слабое место. И самое главное, о чём я не позволяла себе забыть, это где сейчас товарищи из моей «пятёрки». Пару раз я спасала кому-то из них жизнь, и в тот момент нас накрывало чувство невероятного единения. Такое приятное чувство...

Конечно, в таком хаосе как сражение не всегда удаётся думать о чём-то, кроме собственной жизни. Порой меня заносило в самые гущи схватки, но, не помня себя, я как-то выбиралась. Шрамы на моём теле заживают всё медленней, но словно говорят мне: я ещё жива. И теперь я отвечаю не только за свою жизнь.

– Уважаемая Акили, моё имя – Ратмир. Меня назначили помогать Вам, – он ждал меня на выходе из палатки и вежливо поприветствовал.

Я не почувствовала в его словах натянутости. Напротив, он спокоен и учтив, хотя на вид гораздо старше меня. Он назвал меня уважаемой – типичное вежливое обращение к старшим по рангу или возрасту. Господами называют лишь подчёркнуто аристократических лиц, я к ним не отношусь, поэтому даже уважаемой удостоилась впервые. Неужели он настолько без предрассудков, что его не волнует командир-женщина, да ещё и младше его по годам. Или он хорошо скрывает свои чувства?

– Значит, ты мой заместитель?

– Так точно. Ваш отряд ждёт вас за лагерем.

– Хорошо. Давай пойдём к ним.

Расслабься. Не паникуй. Иди твёрдым шагом. Тебе проще в первых рядах врезаться во вражеский строй, чем предстать перед собственными подчинёнными?

Да. Пожалуй, в этом что-то есть...

Я знаю только, что командующий подразделением назвал мой отряд «Ли». Окончание моего имени. Позже появится официальное знамя, которое враги будут видеть, когда я пойду в атаку, и за которым будут следовать мои люди. Мы подошли к границе лагеря. Меня в ровном строю ожидала сотня воинов.

Никто из них, конечно, и близко не принадлежит к знатым и богатым семьям и не обучен воинской науке. Из аристократов, которые могут позволить себе образование, хорошее оружие, экипировку, лошадь, обычно формируют элитные отряды. Эти же ребята куда более просты: открытые немного суровые лица, огрубевшие от работы руки, сильные и крепкие тела. В одной и той же одежде, наверное, атакуют и вражеских солдат, и сорняки в поле. Вот только вместо мотыг они сейчас сжимают бронзовые мечи и копья. Что ж, под стать мне – будто меня кто-то учил воевать.

Я медленно обвела всех взглядом. Среди них есть мои ровесники, кто-то старше или младше меня. Некоторые лица даже показались знакомыми, возможно, нам довелось сражаться в одних «пятёрках». Ха, но все такие серьёзные, что мне даже не по себе. Что-то торжественное, да? Ну-с, начнём.

– Моё имя – Акили! – я пытаюсь говорить как можно громче. – С этого дня я командир отряда. Надеюсь, мы вместе пройдем через множество сражений и увидим блестящее будущее отряда «Ли».

И что я сейчас сказала... Мой голос вообще не отличается особой громкостью и твёрдостью, так что не уверена, что последние ряды вообще меня слышали. «Надеюсь» и всё такое, что-то там про будущее. Что за набор штампов? Какое будущее у людей на войне? Простые солдаты идут туда, чтобы заработать денег для семьи, а я тут вещаю про что-то блестящее во множестве сражений. Ох, Акили, по-моему, это провал!

Воины просто мне отсалютовали.

– Отряд «Ли» приветствует Вас, командир Акили, и поступает под Ваше командование, – снова обратился ко мне Ратмир. Наверное, это обычный этикет. Надо что-то ему ответить.

– Надеюсь на вашу помощь, заместитель.

Долгое молчание... Я что-то не то сказала? Чего они от меня ждут? Я должна что-то сделать? А!

– Все свободны до утреннего сбора, – торопливо кивнула я.

Это точно провал.

Командир нашего подразделения в три тысячи человек вернулся с военного совета в странно приподнятом расположении духа, хотя недавно сетовал на пасмурность погоды и ходил с лицом цвета тучи над нашими головами. Он тут же велел собрать командиров даже таких мелких отрядов как сотня в своём шатре, что уже заслуживало скептически-острожного отношения, учитывая весьма скромные размеры его палатки.

Трёхтысячник Кон Кей известен в армии как один самых тщеславных и честолюбивых командиров. Говорят, ради славы на поле боя он решался на самые отчаянные авантюры. Вот только, опять же по слухам, далеко не все они заканчивались удачно для его солдат. Хотя говорят, что он сам на поле боя стоит целой армии. Ходят слухи, что он, будучи весь израненным, чуть ли не в одиночку прорвался через десять тысяч солдат и срубил голову вражескому генералу. Вот такой он, мой нынешний командир.

Кон Кей расстелил в центре шатра карту местности, подвинув и без того тесно расположившихся командиров, и без долгого вступления начал объяснять:

– Враг преградил нам путь на северо-восток и обосновался в этой долине, – он указал место на карте, – Это вы знаете.

Вообще-то мы этого не знали, так как никто ранее нам об этом не сообщал. Хотя удивительным было бы вовсе не появление в той местности врагов, а их отсутствие. Огромное войско, не таясь, шло к границе их царства с очевидными намерениями... Так как войны здесь начинаются часто и без предупреждения, окраинные крепости всегда имеют ресурсы для защиты от внезапной атаки. Очевидно, что нас не пустят так просто на их территорию.

И сдался нашим властям тот регион! Земель нам, что ли, мало?

– Мы сразимся с ними, и уже потом двинем дальше, – продолжал Кон Кей, – и произойдёт это здесь.

Все командиры-сотники вытянули головы, пытаясь рассмотреть карту. Трёхтысячник указывал на два больших холма.

Холмы это хорошо, когда ты обороняешься, а не атакуешь. Трудный подъём врагу и лёгкий спуск союзникам, да и преимущества высоты никто не отменял. Если мы займём хотя бы один из холмов, мы сможем контролировать ситуацию и играть на равных, а битва, скорее всего, пройдёт у подножия этих холмов.

– Разведчики донесли, враг уже прибыл на место и расположился на обоих холмах. Будь он неладен!

...Забудьте всё, что я только что сказала.

– Мы прибудем туда через два дня и сразу пойдём в бой.

Кхем, я даже молчу о преимуществах того, кто первым приходит на место и отдохнувшим, подготовленным ожидает врага. И как скверно тем, кто, не стряхнув дорожную пыль и не проанализировав ситуацию с местностью, погодой, расположением собственных войск и прочими житейскими мелочами, сломя голову бросается в атаку.

– Армия разделится на две части. Одна из них будет сдерживать врага на этом холме.

Кон Кей положил два камня на карту, обозначающих расположение войск: один на изображение холма, другой – к его подножию.

– Вторая атакует здесь, – ещё два камня легли на вершину и подножие другого холма. – Цель атаки: выманить врагов из лагеря, чтобы дать возможность независимому отряду подобраться с тыла и напасть на штаб на вершине холма.

Суть оказалась такова, что обратный склон холма слишком крутой и покрыт лесом, и никакая армия пробраться там незамеченной не сможет, так что враг не опасается за свои тылы и предпочтёт сосредоточить силы на более пологом склоне. Но там, где не пройдёт большая армия, проскочит маленький отряд. Лес станет ему прикрытием.

У этой атаки две цели: захват одной из стратегически важных точек для дальнейшей атаки на противника и... голова вражеского тактика, который по донесениям расположился именно на втором холме. Пока первая армия сдерживает одну половину войска противника, вторая ведёт бой с другой на склонах, а независимый отряд из двух сотен атакует штаб с тыла. Идея ясна, вот только...

– Я добился, чтобы отряды именно моего подразделения выполнили эту чрезвычайно важную задачу, – Кон Кей ухмыльнулся. – Отряд «Ко», отряд «Ли». Приказываю вам заняться этим.

Э?

– Командир, отряд «Ко» с честью выполнит эту задачу, – подал голос командир-сотник отряда «Ко» Двако. – Но я сомневаюсь в успехе только что сформированного отряда «Ли».

Он с сомнением глянул на меня. Мне даже не обидно, ведь я тоже сомневаюсь, что это по плечу новичкам, которые ни разу не сражались этим составом и единой силой сотни. Едва ли разумно поручать такое дело отряду со столь неотработанной координацией...

– Хм, – Кон Кей снова ухмыльнулся и вдруг обратился ко мне, – Командир сотни «Ли», что скажешь? – он даже не дал мне ответить, как тут же продолжил. – Именные сотенные отряды редко появляются...

Это правда, большинство сотников прикреплены к более крупным отрядам и не имеют собственных знамён, но...

– ...но по решению командующего подразделением имена отрядам могут присуждаться за достижения на поле боя, – ухмылялся Кон Кей.

Это я тоже знаю, но решила в своё время не уточнять, почему только что сформированному отряду, у которого не может быть достижений в принципе, дали имя.

– Так как имя у вас уже есть, а достижений нет, отряду «Ли» придётся их заработать... Чего?

– ...И я только что дал вам для этого отличную возможность. Или ты хочешь сказать, что отряд «Ли» не справится с этой задачей и готов сложить свои знамёна?

Чего?! Так он дал нам имя, чтобы просто помыкать нами?! У него в подразделении был лишь один именной отряд – «Ко». Этот чёртов Кон Кей мог узнать на военном совете вчера, что могут понадобиться два сотенных отряда, и быстро присвоил имя ещё одному, дабы повысить свои шансы. И сегодня ему удалось убедить командование дать эту миссию отрядам из его подразделения. А знало ли командование, что «Ли» – отряд новичков? Погодите. Он сказал «сложить знамёна»? Если опустить то, что знамён у нас ещё нет, он сказал, что мы выполним эту миссию или никакого отряда «Ли» не будет?

Я предпочла не спрашивать, значило ли это становление обычной безымянной сотней или полное расформирование с понижением меня в звании до обычного пехотинца.

– Кхм... Отряд «Ли» с честью выполнит эту задачу, командир.

Так я оказалась по колено в грязи на скользком мокром склоне – прикрытием нам стал не только лес, но предсказуемо начавшийся дождь. Признаюсь, благодаря последнему у меня появилась надежда, что всё пройдёт хорошо. Завеса дождя была настолько плотной, что в этом лесу враг заметит нас только на расстоянии вытянутой руки.

Так что сегодня этот дождь мне нравится.

– Лови документ. Отправила, – очередной сигнал к работе от альфы.

– Ловлю, – без энтузиазма мямлю я и погружаюсь в великий, могучий, а также порой сводящий с ума своей грамматикой мир русского языка.

Может, стоило тогда всё же озвучить то предложение начальнику? Помнишь, мы с тобой как-то дружно решили, что я могу писать тексты ничуть не хуже альфы и хотели предложить начальнику помочь ей... за дополнительную плату, конечно.

**Ты решила его не озвучивать*

Верно, потому что плату мне бы всё равно не дали. В одном случае просто повесили бы дополнительные обязанности, в другом весь офис решил бы, что я зазнаюсь и отбираю работу у альфы. Мы ведь не хотим ни того, ни другого, правда?

**Помнится, была ещё одна причина*

А, ну да. Перед этим начальник озвучил требования нового заказчика, которые были, мягко говоря, странные. Поэтому мы с тобой так же дружно решили закинуть это предложение куда подальше и свалить всё... я хотела сказать: предоставить всё альфе.

**Ай да мы...*

Ай да мы! Так что грамматика, грамматика...

Слова, точки, запятые, тире, союзы, частицы, предложения забили мою голову до отказа на два часа. Когда отправляю финальную версию текста назад альфе, я будто на скамейку падаю после утомительного урока физкультуры. Перерыв!

Почти весь офис уже отправился на обед в ближайшее кафе. Я предпочитаю не спускать половину дохода на красивые (но маленькие!) порции еды и улыбчивых официанток. В качестве закуски к дневному чаю у меня обычно припасена булочка и иногда что-то наспех сваренное дома.

Кстати, почему этот чайный пакетик вдруг порвался? Я завариваю его всего в третий раз, а чайники уже всплывают.

**Просто чайникам интересно, что тут за жадина сидит*

...

– Ты не боишься потолстеть от такой еды?

Альфа, этот вопрос ты задавала мне пару недель назад, с тех пор моя позиция не изменилась:

– Нет.

В отличие от альфы, которая с ужасом, но жадной смотрит на всё мучное, возможное потолстение меня не особо волнует, пока на моей одежде всё ещё ярлычок 44—46.

– У тебя парень есть?

– Нет.

– А, тогда всё понятно.

И что это должно значить?

– Мой вот намекнул мне, чтоб я похудела...

Да мне как-то... не интересно.

– Я и так уже завтракать перестала, а на ужин одни финики грызу! Это ещё ладно. У меня вот знакомая есть, так парень её вообще бросил только потому, что она вдруг поправилась на один размер. Сильно умный, блин!

Ну и гнала бы его в шею. Мне-то зачем об этом знать? Я ж не езжу тебе по ушам всякими тривиальными историями. Могу, например, сказать для поддержания разговора: «А знаешь, в 1980-каком-то-там году в Сингапуре разразилась дискуссия, „великие брачные дебаты“ называлась. Их премьер-министр выступил с заявлением: если мужчины с высшим образованием

хотят, чтобы их дети тоже преуспели в жизни, то с их стороны было бы глупо выбирать себе в жёны менее образованных и интеллектуально развитых женщин. Всё из-за того, что мужчины предпочитают быть умнее своих жён. Не сказать, что он во всём не прав, но... Представляешь, какой шум поднялся тогда в обществе?». Могла бы, например, сказать я, но молчу же.

**Скажешь, и она решит, что ты умничаешь*

Да уж, она обязательно примет всё на свой счёт и начнёт наезд. Так что ни слова ей.

– ...Всяким диетам из интернета я больше не верю. После одной из них, меня даже в больницу забирали. Ты представляешь?

Мне теперь даже не охота тебе отвечать.

– Пришлось сменить диеты на фитнес и тренажёрный зал с инструктором Дорого, зато безопасно...

Хватит уже, мне совсем не интересны истории похудения, разрыва отношений с парнями или чужие семейные проблемы? Нашла свободные уши!

– ...так я похудела на 6 килограмм, а он сказал мне... Ты слушаешь меня?

– Ага, – (К сожалению, я тебя слышу)

И почему я не могу сказать это вслух?

**Потому что каждый раз, когда ты говоришь то, что на самом деле думаешь, у тебя начинаются неприятности, которые ты не любишь гораздо больше, чем чью-то бесполезную болтовню. Напомнить тебе, что случилось на одной из предыдущих работ, когда ты честно выразила коллегам своё мнение о начальнице?*

Не надо.

**Вот-вот.*

Резко встаю и начинаю надевать плащ.

– Ещё обед. Я на улицу, – (Твоё словоблудие меня утомляет).

– Я тебе *ещё* текст кину на правку, учти.

Ха, звучит как угроза.

– И там дождь начался! – уже кричит мне из-за своего компьютера.

– Ну и славно, – бурчу и скрываюсь за дверью.

Хааа... Как хорошо и прохладно, а самое главное, тихо. Разве что город создаёт глухие и ненавязчивые звуки, но что мне проезжающие по лужам автомобили и стук шагов по сырому тротуару. Люди с цветными зонтами проходят мимо, торопятся в свои конторы, и никому от меня ничего не нужно. Я просто встану под дождём и буду смотреть на реку. Дождь приятно капает мне на лицо и шумит. Приглушённо так шумит, будто не касается ни земли, ни воды. Так обычно колышется море, пока не врежется в волнорез. Мне вдруг показалось, что это море по капле льётся на наши головы. Когда-нибудь все его воды окажутся на земле, заполнят ямы и погрузят шум городов в спокойное молчание. Тогда мир перевернётся, и с неба снова пойдёт дождь.

Мне нравится дождь. Он смывает всю пыль и печали, будто плачет за всех тех, кто хочет, но не может заплакать. Осенний дождь, скажи, что видели твои воды? Какие эпохи, какие события, каких людей? Чьи сердца тебе открылись? Был ли среди них похожий на меня и есть ли он под этим небом? Ты мне не скажешь, верно? Я вижу лишь круги на воде и искажённое отражение города – только то, что показывают мне глаза. Даже дна не вижу. Так зачем искать другого взгляда? Он всё равно будет видеть лишь круги.

...Пора возвращаться в обыденную реальность работы корректором и общению с людьми, с которыми я бы распрощалась навсегда без сожалений и грусти. Думаю, они обо мне схожего мнения. Так что всё в порядке.

– Бета ещё не пришла? – слышу я, не успев открыть дверь офиса. Это альфа.

– Сейчас придёт, наверное, – глухой ответ бухгалтера. – А что ты хотела?

– Текст готов, а она где-то ходит. Может, ну её. Так отправлю, вроде, тут всё в порядке.

– Да не, не надо. Это ж её работа, а то отправишь, и конечный спрос будет с тебя, – программист.

– Да бесполезная у неё работа. Пару запятых поставит, и всё – сама важность! – альфа.

– Ну, может быть, – отозвался дизайнер.

– Ничего бы и не случилось тут в её отсутствие. Толку от неё.

**Тихо, тихо, тихо.*

Я знаю!

**Всё хорошо. Забудь ты про неё*

Знаю...

**Но ты всё равно расстроена...*

Через несколько долгих секунд открываю дверь и на пороге офиса выжимаю волосы. Тут ковровый, но мне всё равно.

– Ты на улице, что ли, была? Хоть бы зонт взяла, – говорит бухгалтер.

– Я не брала зонт из дома.

– Зря. Погода такая...

– Я тебе текст кинула. Лови, – альфа, как ни в чём не бывало.

– Ага.

Вот и всё – конец беседы. Привычным движением сажусь за компьютер и открываю электронную почту. Это называется с текстом «всё в порядке»? Ох, что я тут делаю. Выполняю скучную работу, за которую мне никто «спасибо» не скажет, и выслушиваю, что от моего отсутствия этот крошечный мир офиса не перевернётся.

**Ты здесь зарабатываешь себе на жизнь. Другой возможности тебе никто не дал*

Ну, я старалась. И если б продолжала и дальше искать то, что мне по душе, давно бы померла с голоду. В итоге в тот момент пришлось устроиться в какой-то магазин, где начальник не давал мне житья. Так что здесь я хотя бы в спокойствии продаю своё время за кусок хлеба. И всё равно грустно.

**Твоему прошлому и нынешнему окружению твои таланты не нужны. Например, ты способна выполнять работу альфы лучше самой альфы. Зная об этом, ты не можешь принять, что тебя считают бесполезной. Ты ведь об этом сейчас думаешь?*

Знаешь, напоминает одну лайт-новеллу, где главный герой – рыцарь, и он гений во всех областях знаний и навыков, кроме тех, которые нужны рыцарю. Ирония непередаваемая. Его учитель, видя это, однажды сказал своему другу: «И слава богам, что он рыцарь. Если бы не его личина рыцаря и меча, что запечатывает его, насколько же великие деяния он смог бы совершить?». Друг спросил: «Тогда зачем же запечатывать его?». На что был ответ: «А затем, что этот мир не нуждается в великих деяниях»⁵.

Я не столь гениальна, но... Я не могла не заметить: в чём-то я действительно лучше остальных. Это нормально, если ты там, к чему у тебя есть талант. Преподаватели в вузе говорили мне: «Ты уникал». И они имели в виду не только навыки в учёбе. Но скажи мне, этому миру нужны уникалы?

**Я не знаю*

Две сотни промокших солдат карабкались по крутому склону. Шум дождя практически заглушал их шаги. Древки копий, что использовались как опора при подъёме, амуниция, свёрнутые знамёна, одежда – всё было в такой грязи, словно мы побывали в болоте.

⁵ Речь идёт о лайт-новелле тайваньской писательницы Ю Во «Легенда о Рыцаре Солнца». Упомянутый эпизод встречается в прологе третьего тома

Даже когда до вершины осталось совсем чуть-чуть мы так и не увидели ни одного часового. Это настораживает.

– Двако! – я шёпотом позвала командира второй сотни и по совместительству командующего этим маленьким вторжением. – Там никого не видно, и даже разговоров не слышно. Похоже, в их штабе вообще никого нет. Такого просто не может быть. Что-то не так.

– Нет, слышишь звуки битвы. На том склоне, должно быть, ожесточённая схватка. Поэтому враг отправил всех людей туда. Это нам на руку.

– Враг не может быть настолько опрометчив. Это не похоже на военного тактика.

Мои дальнейшие увещания Двако проигнорировал и продолжал лезть вверх, ведя за собой отряд. Я бы предпочла, чтобы на его месте был Идаир, он не только думает своей головой, но и слушает других. К моему сожалению, Идаир приписан к другому подразделению и в лучшем случае находится сейчас по другую сторону холма.

– Ратмир, – я обратилась к заместителю, а заодно и ко всем, кто был рядом. – Может всякое случиться, будьте готовы.

Члены моего отряда кивнули. Честно говоря, в этом их кивке не было ни капли уверенности и решительности. Они просто показали, что слышали меня. Поверьте, я сама буду рада, если ошибаюсь.

Дождь начал стихать. Наконец, мы добрались до места, когда уже были видны вражеские знамёна, шатры и наверхия шлемов редких часовых. На противоположном конце штаба спиной к нам стоял командир с двумя телохранителями и тремя посланниками и наблюдал за битвой, развернувшейся на склоне.

Это тактик? Мы и впрямь добрались до самого штаба так легко. Сейчас главное – не испортить эффект неожиданности...

– Двако, ты куда? Напролом собрался? Он слишком далеко даже для стрел!

– Отряд «Ко»! В атаку!

Конечно, он меня не слушает. В его глазах я новичок. Но доверять такую задачу тому, чей талант в грубой силе, а не тактическом нападении...

– Командир, прикажите следовать за отрядом «Ко»? – спросил Ратмир.

– Стой.

Что-то... что-то не так. Слишком много шатров для такой небольшой площади земли. А Двако и его отряд просто бегут напрямик через штаб к противоположному концу холма, где стоит тактик. Почему он даже не обернулся? Боевой клич отряда «Ко» не услышал бы только мёртвый.

Чья-то команда вдруг сотрясла воздух, заглушив почти стихнувший ливень. Я даже не сообразила, кто и что прокричал, как из шатров выбежали солдаты. «Ко» остановился в замешательстве. Его окружили ни много, ни мало тысяча воинов. Слишком много для охраны лагеря, когда на другой стороне холма разворачивается битва. Так вот зачем было столько шатров!

У меня всё внутри оборвалось, а по телу бежали мурашки. Они нас ждали...

– Всего-то сотня? А мы ожидали более крупную добычу, – тот, кто стоял к нам спиной, повернулся и лениво обвёл всех взглядом.

Это не он! Этот человек никак не подходит под описание вражеского тактика, что нам дали!

– Убить их, – спокойно сказал их командир и снова отвернулся.

Я слышу звук натяжения сотни луков. Плохо!

– Отряд «Ли», в атаку! Нужно пробить это окружение! Отряд «Ко», защищайтесь щитами и прорывайтесь назад!

Мы выскочили из-за деревьев и бросились на врагов прямо перед нами. Не успевшие повернуться стали лёгкой добычей. Перед тем как отправиться на задание, я собрала свой

отряд и дала инструкции. Не то что бы я сказала что-то оригинальное, но на случай, если кто-то и впрямь ни разу не выходил на поле боя.

– Сначала все объединитесь в «пятёрки». Желательно, чтобы командиром «пятёрки» был человек с опытом сражений. Когда идёте в бой, следите за своими четырьмя товарищами. Не отходите от них более чем на десять шагов. Вы отвечаете не только за свою жизнь, но и за их. Поэтому атакуйте и защищайтесь все впятером. Для новичков это самый эффективный способ выживания в бою. Когда вас атакуют вражеские лучники, соберитесь вместе и выставите щиты плотной стеной. Не опускайте их, пока стрелы не прекратятся, но в то же время следите за ситуацией вокруг. Если надо, продвигайтесь вперёд и обезвредьте лучников или наоборот отходите из-под обстрела. Рука с оружием всегда должна двигаться свободно и быть наготове, так что, даже прикрываясь щитом, сосредоточьте внимание на ней.

Когда я всё это говорила, многие просто смотрели на меня и моргали. Нет, только не надо смеяться. Они всё-таки фермеры, плотники и пастухи. Эх...

– Просто запомните свои «пятёрки». И в атаке, и в защите ориентируйтесь на них. Если вдруг потеряли свою «пятёрку», присоединяйтесь к ближайшей. И не паникуйте, – заключила я, надеясь, что эта речь была хоть каплю полезной. Хотя я ведь сама в первом сражении забыла обо всём на свете.

В момент, когда мы врезались во вражеский строй, сотня стрел сорвалось с тетивы и несколько сотен копейщиков устремились к отряду «Ко». Люди Двако выстроились оборонительной фалангой и начали продвигаться... к вражескому командиру. Тц, не таким же числом! Их раздавят прежде, чем они вообще доберутся до противоположного края лагеря!

– «Ли», постройтесь клином! Задние ряды, оставляйте путь к отходу открытым!

В результате таких действий клин, «остриём» которого служила я и двое моих подчинённых, прорывался к отряду «Ко», вытягиваясь всё тоньше. Какой-то инстинкт резко сказал мне: «Стой!». Да, если вытянуть построение ещё больше, то его тут же сломают, и нас перебьют поодиночке.

– Двако, Возвращайся! Тактика здесь нет! – я пыталась докричаться до него в этой суматохе, но мой голос был так тих по сравнению с криками остальных солдат.

Я снова и снова выкрикивал это.

– Неважно! Я возьму голову этого командира, даже если это будет стоить мне жизни! – наконец, прокричал он.

Дурак! Его голова не стоит жизни двух наших отрядов, даже если он тысячник!

– Вали отсюда! Я всё равно на тебя не рассчитывал!

Что... ты сказал?

Я почувствовала, как у меня кружится голова. Говорил ли Двако что-то ещё? Не знаю. Я видела только, что его от меня отделяет всё больше врагов, а отряд «Ко» тает, как снег в горячих руках.

– Командир Акили! – крикнул только позади.

Чёрт! Клин предназначен для прорыва, а не для статичной обороны. Стоило мне остановиться, как его тут же сломали пополам. Наш отряд превратился в два одиноких островка посреди моря врагов.

– Отряд «Ли», отступаем! Прорываемся обратно к склону!

Лучники были заняты остатками отряда «Ко», поэтому нашей проблемой были только длинные копья пехоты. Для меня было привычно защищаться от копейщиков и отходить назад. За спиной я чувствовала «щит» – моих людей, так что за тыл я не беспокоилась. Что резало слух, так это крики со стороны, где я в последний раз видела Двако и его отряд.

Если сейчас не произойдёт чуда, и наша армия не придёт с другой стороны холма... Впрочем, крики уже стихли. Что бы сейчас ни произошло, для отряда «Ко» уже слишком поздно. Они мертвы. Все.

Мы прорвались обратно к склону и чуть ли не кувырком спускались с него, увязая ногами в мягкой почве. Долго нас не преследовали, только лучники сделали несколько выстрелов. Стрелы, что преодолели барьер деревьев, оставили навсегда лежать на этом склоне с десяток человек отряда «Ли». После изнурительного спуска и множества падений мы, зажимая раны, выбрались из этой ловушки в составе сорока двух человек...

– ...Так отряд «Ко» уничтожен, – констатировал командующий тремя тысячами Кон Кей с каменным лицом, когда я доложила ему ситуацию.

В тот день мы не только не убили вражеского тактика, но и не взяли холм, который нам так нужен, чтобы двигаться дальше. В результате атаки вторая армия потеряла две с половиной тысячи человек. Слишком много для тех, кто находится в самом начале пути завоевательной кампании.

– Что же в это время делал отряд «Ли»? – под сухим тоном я чувствовала неопределимую злость.

– Как я уже говорила, отряд «Ли» держал открытым путь отхода, но командующий операцией сотник Двако после обнаружения засады не пожелал им воспользоваться и предпринял попытку атаковать вражеского тысячника. После того как он осознал безнадежность ситуации, он приказал нам отступать. Его отряд к тому времени был практически уничтожен, и не имел шансов пробиться через подавляющее количество врагов к выходу. Отряд «Ли» последовал приказу и отступил. Вражеский тактик в том лагере так и не был замечен, – я тщательно продумала и заучила эту речь, чтобы произнести её бесстрастно, но горечь в горле казалась почти нестерпимой.

– Каковы потери?

– Потери двух отрядов составили 158 человек.

Мой голос был спокоен, но плечи постоянно передёргивало от воспоминаний.

– Бесполезные ...! – взревел Кон Кей. И это было самое мягкое слово в его речи. Поток его ругательств продолжался ещё очень долго и, наверное, был слышан на весь лагерь.

Держись! Терпи! Мне хочется плакать. Нельзя!

Когда Кон Кей, наконец, замолчал, чтобы отдышаться. Я рискнула воспользоваться этой передышкой и попросить:

– Разрешите идти.

– Вон! – трёхтысячник запустил в меня кубок, в котором ещё плескалось вино. Больно.

Я чуть склонила голову и быстрым шагом вышла из шатра командующего. Окружающие солдаты смотрели на меня. Я отвернулась от них и куда-то зашагала, не знаю куда. Мне хотелось скрыться от всех взглядов, от осуждения, жалости и прочего. Я просто хотела отдохнуть и отпустить свои слёзы.

Даже не сразу заметила, что Ратмир молча шёл за мной на некотором отдалении. Остановилась.

– В каком состоянии отряд?

– Тяжелораненых нет. Отряд «Ли» в состоянии сражаться, командир, – спокойно отвечал Ратмир.

Остатки отряда «Ли», ты хочешь сказать. Даже смотреть на них не хочу. Боюсь не найти среди выживших лица, что я запомнила перед боем.

– Хорошо. Пусть позаботятся о ранах и отдыхают. Неизвестно, когда нас снова бросят в бой.

– Так точно.

Я подняла глаза к небу.

– Всего сорок два, да? Двое из них из отряда «Ко», приткнувшиеся к нашим рядам в суматохе... Снова дождь собирается. Скажи им, чтобы не стояли под ним. Заболеют ещё.

Что я говорю, это же просто дождь...

– Эй! Я тебя повсюду ищу! – возглас Идаира застал меня уже на другом конце лагеря в направлении к лесу.

Остановилась, но не повернулась, чтобы поприветствовать друга. Идаир тоже встал, так и не решаясь подойти.

– Даже спрашивать не буду. Вижу, что не в порядке, – констатировал он. – Ты плачешь?

– Нет, – вздохнула я и обернулась, я действительно не плакала. Как будто я могу позволить себе это, когда меня видит столько народа. Мои глаза и щёки сухи. – Ты хотел меня подбодрить?

Я даже печально улыбнулась.

– Вряд ли я скажу тебе что-то, чего ты не знаешь, – отвёл глаза Идаир.

– Что-то элементарное вроде: «Это война. На ней есть победы и поражения. Не только слава, но и смерть»?

– Да, вроде того. А ещё отругать, что ты слоняешься тут, а раны не обработаны.

– А...

– Никаких «а»! Пойдём.

Он схватил меня за локоть и куда-то повёл. Мне было абсолютно всё равно, что он делает, и куда мы идём. При взгляде на него мои слёзы отступили, и я просто безвольно позволила себя вести. В итоге мы расположились у одного из костров. Идаир принёс ковш с водой и несколько чистых повязок.

– Я не знаю, через что ты там прошла. Но если для тебя это непомерно тяжело, ты ещё можешь отказаться, пока не зашла слишком далеко.

Отказаться? И что у меня останется?

Он закатал мой рукав, намочил тряпицу и начал медленно промывать рану на предплечье. Она не слишком серьёзная, так что пока он её не коснулся, я даже забыла, что меня задела.

– Всё в порядке, – тихо сказала я, – Я уже успокоилась.

– Нет, правда. Нельзя превращать войну в своё ремесло – так говорят мудрые учителя. Тем более ты – женщина. Ты не думала, что можешь выйти замуж и иметь детей? Зачем тебе военная карьера?

– Конечно, думала. Но это не то, что может понять мужчина. В том, что я стала военным, нет ничего странного.

– По-моему, это более чем странно.

– Всё просто. Когда женщина не может позволить себе быть женщиной, она, выживая в одиночестве собственными силами, становится воином. Если она оказалась никому не нужна как женщина, она пытается оказаться нужной как воин.

«Я всё равно на тебя не рассчитывал!», «Бесполезные...!».

– Хм... Всё, я закончил, – вскоре объявил Идаир, затягивая узелок на повязке. – Тебе лучше пойти к своему отряду. Они тоже расстроены. Ты нужна им сейчас.

Нужна?

Я встала и подставила лицо начинающемуся дождю.

– Скажи мне, Идаир: я, правда, нужна этой эпохе или никто не заметит, если я умру? Хотя нет... не отвечай.

Не плачь, Акили. У нас всё будет хорошо. Я не позволю случиться иному. Не грусти, если у тебя много врагов. Радуйся, что у тебя есть друзья. Ведь всего ужасней пустота, когда нет ни врагов, ни друзей.

Кажется, эта двухчасовая поездка домой пролетела, как пять минут. Это было тяжёлое сражение... Я потеряла столько людей и ещё Двако... мне жаль тебя, но ты такой дурак! А вот альфу мне не жаль совсем! Да что б она вес набрала!

Этот день ещё может кончиться хорошо. Если он кончится хорошо, я забуду про все печали. Скорее домой! Результаты конкурса на Собрание писателей уже должны быть вывешены. Как там его сайт назывался? Я знаю некоторых людей, кто тоже подавал туда заявки. Интересно, мы встретимся с ними?

Мы виделись лишь однажды во время какого-то съезда молодых прозаиков и поэтов. Это был первый и последний раз, когда меня куда-то приглашали. Я была так счастлива. Обычно неразговорчивая я с удовольствием обсуждала творчество с единомышленниками. Посмотрела, вот они какие, кто написал эти произведения, мои ровесники, обычные такие люди. Мы гуляли по городу, фотографировались. Во время завтрака и обеда говорили о многих вещах, находясь на одной волне. Взяли администратору кафе, что столы мы не сдвигали, вдоволь наелись на прощальном банкете. А потом разъехались по домам в разные концы страны. Четыре года прошло. Жаль, никакая переписка не заменит тех двух дней. А вот и списки прошедших на собрание...

...Снова нет, да? В этой комиссии хотя бы прочитали, что я написала? Ну, почему? А этого парня из списка я знаю, точнее, знаю, как он пишет. В интернете читала. Он там все продукты своего творчества выкладывает и по социальным сетям трубит о них. При всём уважении, господа, я пишу лучше. Или это вопрос самопродвижения?

Я тоже выкладываю свои произведения на нескольких ресурсах: от сайтов любительской прозы до сайтов для фанфиков. И вот опять: впервые за много дней у меня аж два просмотра... содержания. Никто даже не открыл ни единой главы. Почему?

Почему же то, что я делаю, никому не нужно?

«Бум-бум» за стенкой, «Moi je m'appelle Lolita, Lo ou bien Lola...»⁶

Твою...! Опять! Который час?! 1:15 ночи – прекрасно! Я так спешно выезжала из дорогого жилья, чтобы переехать в комнату совсем чуть-чуть дешевле прежней и вляпаться в ЭТО! Соседки – мои ровесницы, но заурядней женщин я ещё не встречала. Единственные темы их разговоров (которые я, к сожалению, прекрасно слышу через тонкую дверь) – это «Дом-2», похудение и парни.

Что за массовое помешательство у современных женщин? И это я странная?

Всё, что приходит на ум при мысли о типичных тусовщицах из среды шумной и, скажем так, несерьёзной молодёжи, это про них. Ну, кроме наркоты, разве что. Ещё чего не хватало! Что? Я предвзята? Ладно, вот вам одна их очень положительная черта – они до безумия обожают свою домашнюю шиншиллу. Несмотря на это весомое достоинство, окончательную веру в то, что мы поладим, я потеряла в тот момент, когда услышала от них:

– Знаешь, здесь вообще-то молодые люди живут. Мы хотим отдохнуть в выходной. Почему мы должны подстраиваться под тебя? Ты наша ровесница, а живёшь как пенсионерка. Мы не думали, что с тобой такие проблемы будут, когда ты въезжала.

Это со мной проблемы?! Когда я просила их сделать музыку тише, они лишь прибавили громкость и начали ещё подпевать! Ох, мало того, что я невысокого мнения об их музыкальном вкусе...

**Да во втором часу ночи о любом вкусе будешь невысокого мнения*

...так им ещё и медведь на ухо наступил! Только не говорите мне, что спяну они не в курсе, как отвратительно поют! Я-то хоть про свои уши и медведя знаю и не пою при людях.

⁶ Песня Alizee «Moi Lolita»

Эх, и что же мне делать? Говорить с ними бессмысленно. Зайти к ним и выбросить музыкальную установку в окно? Не пойдёт, иначе на следующий день я свои вещи увижу за окном, замков-то на дверях комнат нет. Люди в соседних квартирах, вызовите полицию, пожалуйста! Бесполезно... Мне даже снотворное не помогает, и читать не могу под такой шум. Хочу спаааать!

4:02. Вырубили. Славно. Но, совесть, ты в курсе: не будет мне покоя, если я это так оставлю.

**Не переживай, совесть в доле*

Вот и ладушки...

9:00. Всё по закону. На-чи-най! Я прибавила громкость на ноутбуке до максимума. Бум-бум-бум! Alpha Eastman: «Ransen» – чего только не завалается в аудиозаписях. Жалко, у меня нет колонок, ноутбуку не тягаться с музыкальной установкой, но будем надеяться, что этого хватит.

Ха! Я слышу: они проснулись! Полагаю, они поняли всю глупость своего убеждения «если человек хочет спать, он заснёт в любом случае». Ещё минут десять и пойду досыпать. Надеюсь, поймут.

Всю неделю и впрямь было тихо, и я радовалась нашему взаимопониманию, но в ночь с пятницы на субботу...

«Moi je m'appelle Lolita, Lo ou bien Lola...»

Баста! Я съезжаю!

Штурмовать холм одной лишь грубой силой значило потерять много людей, преимущество местности у врага. Если мы бросим сейчас всех в атаку, то подавляющим большинством холм всё же захватим, но с такими потерями продвижение на северо-восток станет бессмысленным. Командование это понимало. История знала эпизоды, когда генералы отправляли противнику, засевшему в глухой обороне, женское платье как обвинение в трусости⁷. Были даже случаи, когда противники на это покупались и покидали свои укрепления. Поистине нет хуже советчика на войне, чем уязвлённая гордость, и глупее причины умереть – тоже.

Я бы за платье «спасибо» сказала, подари мне его кто-нибудь. Но вражеские командиры из штаба на первом холме разорвали его на лоскутки на глазах обеих армий. У них здравомыслящий советник.

Мы стоим в этой долине уже несколько дней. Наши генералы несколько раз посылали в атаку малую часть войска, но результата это не приносило – её тут же оттесняли назад. В один из дней в атаке участвовал и отряд «Ли». Единственное, что я сказала своим воинам в день, когда погибла большая часть отряда, это:

– Не забывайте павших и гордитесь, что выжили. Остаться в живых при подобных обстоятельствах уже можно назвать победой.

Надеюсь, это были правильные слова.

За дни, проведённые вместе, слушая их разговоры, я кое-что узнала. Мой заместитель Ратмир раньше был слугой у старосты деревни. Сейчас женат и имеет малолетнего сына. Война для него не более чем способ заработка. Ческа уверен, что он худший землепашец в деревне, и решил доказать, что способен стать лучшим в деревне воином. Эд – весельчак, что жаждет прославиться, у него озорные глаза.

⁷ Этим приёмом пользовался китайский полководец времён Троецарствия Чжугэ Лян (181—234 гг.), пытаясь выманить за укрепления своего противника Сыма И (179—251 гг.)

Мальчишка Кою, который младше меня на несколько лет, мечтает основать династию военных. Его иногда гложет, что он, будучи единственным сыном, оставил мать в деревне одну, но дружеское похлопывание по плечу от товарищей сразу возвращает ему хорошее расположение духа.

– Что ж. В таком случае тебе придётся не умереть на пути к этой цели, – я с улыбкой потрепала его волосы, из-за чего и он, и я тут же остолбенели.

Что это я делаю? Во мне проснулся комплекс старшей сестры или матери? Вот же несостоявшаяся женщина...

Когда нас бросили в атаку, я не могла не заметить, что веду себя слишком осторожно. Когда за моей спиной люди, я будто защищена щитом с тыла, но он стал для меня и якорем. Я не бросаюсь в самую гущу схватки, как сделала бы это, если бы отвечала лишь за свою жизнь. Мне придётся это преодолеть.

Сегодня и та, и другая стороны вели довольно пассивные действия. Генералы обеих армий дали приказ отступать, но из вражеских рядов вдруг выскочил один пятисотенный отряд под знамёнами «Рей» и продолжил атаку. Лучники из нашего арьергарда ответили на этого тучей стрел. Командир «Рея» на коне, как ни в чём не бывало, укрылся щитом и продолжил прорываться в наши ряды, смеясь и крича союзникам что-то вроде «Отступайте, а мне достанется вся слава!». Его напор остановили наши копейщики совсем близко от отряда «Ли». Вдруг над всем полем боя взревел голос вражеского генерала:

– Рейдан! Если ты сейчас же не притащишь свой зад сюда, я лично тебя четвертую!

– Пф! Генерал Феаген слишком осторожен! – фыркнул названный Рейданом и развернул коня. Боевые действия в этот день были закончены.

В лагере я ходила подобно привидению. Ни сотники, ни тысячники, ни уж тем более командующий тремя тысячами Кон Кей не обращали на меня внимания. Даже если я что-то у них спрашивала, они невпопад отвечали парой слов. Последний вообще относился ко мне как к пустому месту, что злило меня ещё больше. Проходя мимо его шатра, я слышала, как он обсуждал с тысячниками прошедший военный совет. Командование пытается придумать способ выманить армии противника из этой природной крепости. Пока решено продолжать осаду на истощение.

Генералы врага уже давно показали, что не настолько глупы, чтобы взять и покинуть укрепления, а осада может затянуться надолго. И они, и мы находимся на границе своих государств. Кто знает, когда к врагу могут прийти подкрепления. Согласно сведениям разведки, значительная часть сил противника сейчас находится на другом фронте, поэтому наша сторона предприняла попытку атаки. Но если они закончат раньше, чем мы достигнем цели, ситуация обернётся для нас катастрофой.

Плохо то, что мы просто не можем обойти эти холмы. Хоть они холмами и называются, на деле это две горы, между которыми пролегает узкая дорога. Сунься мы на эту дорогу, нас тут же зажмут обе армии противника. Ах, и всё потому, что враг успел первым занять оба холма!

Если не получается выманить войско через командование, то можно попробовать по-другому. Это не настолько эффективно, но...

– Командующий Кон Кей, – я вошла в его шатёр, когда тысячники начали расходиться. – Я знаю, что может помочь нам победить, – он уже открыл было рот, чтобы выставить меня вон, но я быстро сказала. – Вам не придётся ничего делать и рисковать. Я всё сделаю сама. Если мне удастся, то я скажу, что эта идея принадлежала вам.

Не будет мне покоя, если я не сделаю что-то в этой войне.

Акили, надеюсь, хоть твои действия дадут какой-нибудь результат, раз уж в моей войне с соседями мне пришлось капитулировать. И это вовсе не моя вина!

Как прикажете тягаться с теми, кто обладает правами хозяев в снимаемой квартире? Это похоже на... как если бы они были гейм-мастерами в компьютерной игре, а я обычным игроком.

Новое жильё, подходящее по цене, я нашла только через месяц. Правда, там было условие «график работы 5/2, в будни дома никого». Что делает в будни в трёхкомнатной квартире та молодящаяся женщина, я не знаю, но раз я работаю 5/2, а в комнате предусмотрен замок, то проблем быть не должно. Правда, пришлось покупать себе отдельный модем для интернета. К сожалению, я привыкла, что везде предусмотрен один Wi-Fi на всю квартиру, и не спросила, есть ли он в этой. Что его нет, выяснилось, когда мне надо было срочно сделать и отправить кое-какие рабочие документы из дома.

И чего у меня в последнее время всё наперекосяк? Я только три года назад переехала в этот город. Быстро привыкла к большим расстояниям и толпам в метро. Не было никакого восторга, хотя крупные города и высокие небоскрёбы мне нравятся. Но что мне было действительно необходимо, так это новые места, которые не имеют ничего общего с теми, в каких я раньше жила. Мне было необходимо одиночество.

**Да ты и там была одинока*

Знаю, но ужасно быть одинокой среди знакомых людей. Остаться там значило смириться. Сейчас, по крайней мере, моё состояние можно назвать «ровно». Мне больше не больно. Меньше неприятных мыслей. Мне просто некогда о них думать, я озабочена обыденными вещами: например, есть ли у меня работа, сколько денег осталось до зарплаты, есть ли, чем платить за съёмное жильё в следующем месяце, в каком магазине дешевле продукты и подобным. Город моего рождения стал для меня олицетворение прошлого. А моё прошлое – это груз, и я без сожалений оставила его позади.

**Короче, ты сбежала*

Пусть так. Что же в этом ненормального? В го, например, если группа камней не может обеспечить себе «жизнь» на одном участке доски, она «перебегает» на другой. Это же так просто и логично. Самый что ни на есть холодный расчёт. Зато теперь меня ведёт вперёд воля, а не чувства, и пусть другие зовут её эгоизмом. А это тело... ну и пусть другие решат, что оно бессердечно. Мне просто хотелось, чтобы здесь всё было по-другому.

Во время моей отлучки на обед в офисе на общем столе появился натюрморт: на грязно-коричневой подсохшей лужице кофе стоял перевернутый бумажный стаканчик, который был придавлен сверху толстой пачкой стикеров. На верхнем стикере значилась надпись: «Если у вас нет желания убивать ЭТО, не трогайте стакан». Я глянула на единственного находящегося, кроме меня, в тот момент в комнате человека – SMM-щика. Он спокойно сидел за своим компьютером и даже не обратил на меня внимания.

Желания убивать неведомое «это», у меня не возникло. Я села за свой рабочий стол и увидела в новых сообщениях документ от альфы. Она должна была его прислать ещё часа два назад. Надеюсь, задержка стоила того...

Нет! Она определённо того не стоила! Мои глаза! Что это? Оружие массового поражения гуманитариев? С каждой прочитанной строчкой мой внутренний котелок приближался к точке кипения. Кто её посадил писать тексты!? Я, конечно, утрирую, и обычно всё не настолько плохо или хотя бы плохо, но не настолько, как сейчас! Я понимаю, у всех бывают неудачные дни, но обычно те, у кого они бывают, признают свои оплошности и переделывают. Зная альфу,

не стоит на это рассчитывать, она никогда ничего не делает дважды. Ладно. Я переделаю это подобие текста в текст, но моему израненному данным подобием сердцу нужна отдушина или я это не я.

*...

Я подошла к перевёрнутому стакану, отклеила верхний стикер с надписью и на чистом написала печатными буквами: «Подними стакан, если уверен в себе». Осталось надеяться, что первой любопытной и уверенной в себе окажется именно альфа. SMM-щик, даже если и заметил меня, всё равно промолчал.

Альфа, миленькая, я тут тружусь в поте лица над твоим текстом. Ты же можешь сделать взамен такой пустячок, как войти первой и открыть тайну неведомого «это». Дверь в офис отворилась – вернулся дизайнер (ну вот, не она!). Однако ему, чтобы пройти к своему компьютеру, не нужно идти мимо общего стола, поэтому дизайнер благополучно не заметил капкан... я хотела сказать «стакан». Через десять минут ручка двери снова повернулась. Она! Альфа, впервые я рада тебя видеть.

**Ты переделываешь текст или только злорадствуешь?*

Как только злорадствие удастся, работа над ним тут же станет продуктивней в десять раз.

*...

– Я кинула тебе текст, ты видела? – обратилась ко мне альфа.

– Да. Работаю, – невозмутимо ответила я.

Боковым зрением слежу за альфой, попутно не забывая делать вид, что что-то печатаю. Вот она увидела стакан и наклонила голову, чтобы прочитать надпись. Ну! Три, два, один...

– Ребят, это кто написал?

Чёрт!

– Я, – протянул SMM-щик, поднимая руку.

Фух, он не видел, что я сделала.

– И что там? – продолжала с любопытством посматривать на стакан альфа.

– Хочешь: открой, – невозмутимо отозвался SMM-щик, не отрывая глаз от монитора.

Она протянула руку...

– Ваааа!

Да! Молодец! Так ей! Победа! Ехууу! Ох, и громко же она кричит.

– Что за жирный таракан!

Так «это» было тараканом. Альфа резко прихлопнула стаканом бедное животное, которое, наверное, испугалось ещё больше, чем она. Если, конечно, это животное ещё было живо на тот момент.

– Ну, я же предупреждал, – всё с тем же спокойствием пожал плечами SMM-щик.

– В каком месте ты предупреждал?! – негодующая альфа плюхнулась за свой стол.

Дизайнер тихо улыбался. SMM-щик со спокойствием сфинкса продолжал смотреть в свой монитор. Я же изо всех сил сдерживала дрожь своих плеч и давилась от смеха.

**Ну и злока же ты...*

Да ладно! Хочешь сказать, тебе не понравилось?

**Ну, это было забавно*

Вот видишь, хе-хе.

**Только не равняй меня с собой, бессовестная ты женщина*

Эй, если у меня нет совести, что же в таком случае есть ты?

*...

Ладно, ладно. Я сделаю текст альфы очень даже симпатичным.

Когда остальные вернулись с обеда, дизайнер каждому по очереди в красках рассказал о недавнем инциденте. Его повествование сопровождалось таким эмоциональным воодушевлением, что он несколько раз хлебнул свой мате, дабы смочить горло. Громче всех хохотал

программист. Альфа надула губы и неотрывно смотрела в компьютер, теребя в руках брелок от ключей.

За оставшееся рабочее время никто больше не притронулся к злополучному стакану. Что ж, оставим его на милость уборщицы. В конце дня, когда все уже отправились на заслуженный отдых домой, SMM-щик всё ещё смотрел в свой монитор. Что он там делал, даже не знаю. Возможно, социальные сети давно заменили ему дом родной. Я подошла к его столу и протянула печенье.

– Хочешь?

Он впервые, как мне показалось, за сегодня оторвал взгляд от компьютера и взглянул сначала на печенье, потом на меня, потом снова на печенье, медленно взял его и в замешательстве пробормотал:

– Спасибо.

– Пожалуйста! – улыбнулась я (в конце концов, ты невольно стал соучастником моей шалости).

Эх, какое же у меня сегодня хорошее настроение!

– ААААА! – первый звук, что я издала, зайдя в квартиру и открыв дверь своей комнаты.

– Ты чего? – высунулись из других комнат соседки.

– Э-э-это что такое? – я застыла на пороге и тыкала пальцем в проём.

Любопытные соседки подошли и заглянули в мою комнату.

– А, окно, что ли, распахнулось? У тебя там что-то было на подоконнике?

Вот именно, что было! Этим «что-то» были мои драгоценные...

– Мои книги!

– Ну, не страдай. Подумаешь, промокли чуток.

Ха? Чуток? Учитывая, какой прошёл снег с дождём...

– Вы представляете, сколько денег они стоили? – я просто поражена тем, что они не оценили масштаб трагедии, царившей в моей комнате.

**Это тебе за таракана*

Не придумывай!

Соседки лишь хмыкнули и ушли к себе. Я тут же бросилась закрывать окно и кинула полотенце в лужу на подоконнике. После четырёх походов в ванную для отжима стало более-менее сухо, но чёрта с два я снова положу туда свои драгоценности!

Макиавелли⁸, ты жив? Твоя мудрость не растеклась чернилами? Шекспир, извини, ты в самой луже. Твои «Исторические хроники» ещё ничего, а вот «Трагедии»... Как говорится, как книгу назовёшь, так она и... Ох, чёрт! Кийосаки⁹, ты же у меня в мягкой обложке, тебя сушить надо. И Майка¹⁰ тоже! А Джонатану¹¹ с лебедями¹² вода вообще должна быть нипочём. Ли Куан Ю¹³, я ведь ещё не дочитала, как ты Сингапур строил! Соловьёв¹⁴ и Бердяев¹⁵, не волнуйтесь, похоже, ваша философия бессмертна. «Стратегия Го»¹⁶? Го – тоже бессмертно. Японскому мечу вода не страшна, а вот его истории,¹⁷ пожалуй, стоит побережся. Хорошо, что

⁸ Николо Макиавелли «Государь» и «История Флоренции»

⁹ Роберт Кийосаки «Богатый папа, бедный папа»

¹⁰ Малькольм Гладуэлл «Гении и аутсайдеры»

¹¹ Ричард Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

¹² Нассим Талеб «Чёрный лебедь»

¹³ Ли Куан Ю «Из третьего мира в первый. История Сингапура»

¹⁴ Владимир Соловьёв «Оправдание добра. Нравственная философия»

¹⁵ Николай Бердяев «Дух и реальность»

¹⁶ Игорь Гришин «Мыслить и побеждать. Стратегия Го для начинающих»

¹⁷ Валерий Хорев «Японский меч. Десять веков совершенства»

у «Стратагем»¹⁸ мелованная бумага. Сунь-цзы¹⁹, У-цзы²⁰, смиренно прошу прощения, великие учителя древности.

Кхем! В общем, бумажные книги сейчас – удовольствие вообще дорогое, а ценники *этих* книг выглядели куда солидней, чем на ежемесячных бульварных романах. Мне однажды пришлось караулить полтора месяца акцию в интернет-магазине, чтобы сделать покупку со скидкой, и слиться с работы, чтобы забрать её. Так что простите мне мою истерику.

*...

Эти книги – моё сокровище. Иногда мне кажется, что я родилась не в том времени с такими интересами. Как знать, возможно, если бы я оказалась в другой эпохе (наверное, древней), то совершила бы что-то выдающееся, что осталось бы в памяти истории. А сейчас...

**Ну, давай, вали всё на эпоху...*

Как думаешь, из меня получится хороший воин и полководец?

**Из Акили – не знаю. Про тебя позволю напомнить: в требования к должности корректора не входит пункт «полководческий талант»*

Ну уж извини, что я обычный посредственный корректор со скучной жизнью, работающий ради еды и крыши над головой!

**Это не я сказала*

Но если подумать, что я могу сделать в современном мире в этом направлении... В стратегической игре го я не сильна потому, что не училась ей целенаправленно. Я просто периодически играю с кем-то по интернету. Думаю, я могла бы добиться большего, если бы занялась этим серьёзно, нашла себе учителя (однако ж эти школы такие дорогие!). Вот тебе стратег и тактик в реальности, хотя это немного не то, что на поле боя. Го – не любит спешки, а в сражении всё может решиться буквально в минуты. Игровые камни на доске все одинаковы по силе, это не живые солдаты, с которыми тебя связывают крепкие узы. Никакой гобан²¹ не заменит причудливой географической местности, где развёртывается сражение.

**Только мастерам Го об этом не говори. Они возразят тебе со всей своей философией*

И уж конечно, никакие боевые искусства не заменят ощущения смертельной дуэли. Я пробовала. Этого делать нельзя, а то делать так, место для удара там, и вся эта экипировка, которая не только защищает, но и сковывает. Сковывает движения и сковывает чувства. Если тебя ударят, тебе не будет больно, поэтому нет никакой отваги в том, чтобы пропустить удар и продолжать драться... Эх, чем бы я ни занималась, я ничего не чувствую. Вот такая она – моя реальность.

Единственная лазейка, которая игнорирует все существующие правила и условия – это воображение. Вот уж не существует обстоятельств, которые у меня это отнимут!

**Кое-кто такие обстоятельства придумал, но, к счастью, их действительно не существует²²*

Воображение – единственное место, где я воплощаю все свои таланты (пусть даже к действительным добавляю придуманные). Кое-что из этого записываю в виде книг. По-моему, у меня хорошо получается. И с помощью этого таланта я раскрою все остальные. Знаю, это долгий процесс. Чтобы это сделать, меня должны признать. Я постепенно поднимусь туда, где меня уже никто не назовёт бесполезной, где я почувствую, что нужна кому-то, и никто не посмотрит на меня как на пустое место, будто меня и не существует. Тогда хоть чуть-чуть, но я буду счастлива.

¹⁸ Харро Зенгер «36 стратагем»

¹⁹ Сунь-цзы «Искусство войны»

²⁰ У-цзы «Трактат о военном искусстве»

²¹ Гобан – доска для игры в го, выполненная в виде толстого цельнодеревянного столика на невысоких ножках

²² В романе-антиутопии Евгения Замятина «Мы» у людей стирали воображение

Первый шаг к этому: сделать так, чтобы меня заметили. Для этого все эти конкурсы и премии. Я давно подметила, что только у победителей есть шанс попасть на отдельную полку книжного магазина и быть замеченными читателями. Сотни других книг просто теряются на фоне друг друга в огромных стеллажах. Даже если название или цвет какой-то из них побудит посетителя взять её в руки, он просто пролистает несколько страниц и поставит обратно, тут же забыв о книге. Мне нужно стать заметной!

Но вот опять мне отказали. И как следствие даже не с кем поговорить о своих идеях. Я не доверюсь случайному собеседнику из интернета, который величает себя писателем, а читателей у меня... скажем так, никто ещё не попросил сам дать ему что-то почитать. А если и просил, то так и не прочитывал. Собеседник равный тебе и понимающий, о чём ты говоришь, это такая драгоценность. Поэтому даже если мне скажут, что я буду известна после смерти, но не при жизни, я буду опечалена.

Да и всю жизнь работать так и жить в чужой квартире с чужими людьми сведёт меня с ума быстрее, чем я состарюсь. Вот!

Наверное, я совсем отчаялась, если решилась сделать подобное. Если меня не убьют сразу и не возьмут в плен, то уже можно будет думать, как и что... Руки дрожат, как в первой битве, а внутри всё в напряжении, будто держится на тонкой нити, готовой вот-вот оборваться. Просто иди. Карабкайся вверх. Если б в этом лесу кто-то был, он бы уже заметил меня, ведь я ничего не вижу, ничего не слышу и не чувствую. Плечи дрожат. Дышать трудно. Я едва заставляю себя двигаться вперёд и держу глаза открытыми. Вижу впереди огни факелов. Почти добралась. Остановлюсь здесь.

Я тихо сбросила заплечный мешок, достала одежду, перевязала волосы, переоделась. Брр. Одежда снята с мёртвого тела. Её носил какой-то паренёк. Я нашла его среди павших на поле боя, его фигура хотя бы приблизительно походила на мою. Это униформа врага, и место, куда я направляюсь, – вражеский лагерь. Тот самый, где практически был уничтожен наш двухсотенный отряд.

Так. Глубокий вдох. Что за отвратительное зловоние? Это же не...? Спокойно. Даже если это и тела мои павших товарищей с той битвы, это... угх, едва не стошнило. Спокойно. Глубокий вдох и медленный выдох. Хорошо, что я их не вижу. Здесь так темно. Лишь огни вражеского лагеря впереди ведут меня.

Как я потом найду свою одежду? Ладно, дерево со скрещенными корнями, мешок прямо под ними. К сожалению, делать на нём какие-либо пометки, всё равно что сказать: «Эй, посмотрите! Кто-то оставил вещи. Ждите шпиона!».

Нет, сосредоточься. Это твой лагерь. Там твои товарищи. Да, мои товарищи. Я просто возвращаюсь к своим. Всё хорошо. Нечего бояться. Где-то там ходит жизнерадостный Идаир и серьёзный Ратмир. Ческа у костра рассказывает о казусах своей жизни в деревне. Эд шутит так, что все в округе животы надрывают от смеха. Я иду его послушать.

– Стой! Кто идёт? – все часовые по эту сторону склона встали в боевую стойку и направили на меня свои копья.

– Это всего лишь я, – я подняла руки, показывая, что без оружия. – Я по нужде отлучился. Вы что не видели, как я уходил?

Тудум, тудум, тудум. Сердце, спокойно.

– Из какого ты отряда? – часовые внимательно оглядели меня.

– Отряд «Рей», – как ни в чём ни бывало отвечала я. – Я руки-то могу опустить?

Я опустила их до того, как они ответили. Так внимательно меня разглядывают. Пожалуйста, пусть они просто пропустят меня. Пожалуйста, пусть больше ничего не спрашивают.

Пожалуйста, пусть не зовут никого из отряда «Рей». Ну, пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. ПОЖАЛУЙСТА!

– Ладно, иди. Но справляй нужду где-нибудь поблизости, а то тебя либо враг убьет, либо мы, приняв за него, – часовые рассмеялись.

– Ладно, я понял, – для вида пробурчала я.

Ох, я и правда здесь. Лагерь всего на пять тысяч человек. Если бы мы столкнулись на равнине, то быстро бы задавили их числом. Но эта природная крепость настолько неприступна, что пять тысяч человек успешно противостоят четырёхкратному перевесу. На другом холме армия врага насчитывает пятнадцать тысяч против сорока тысяч наших солдат и держатся! Тянуть больше нельзя, враг может получить подкрепление в любой момент. Если мы захватим хотя бы один холм, то сможем пройти! Врагу на другом холме придётся спуститься, чтобы остановить нас!

Вижу знамёна «Рей». Надо отойти подальше от них. Вряд ли каждый член отряда знает всех остальных четыреста девяносто девять товарищей в лицо, но рисковать не буду. Волноваться о том, что меня могут узнать те, кто участвовал в битве на вершине в первый день, вообще не стоит. В той обстановке среди сотен лиц трудно вообще запомнить какое-либо одно, даже если меня и запомнили как командира сотни, тогда мы были все перемазанные в грязи с прилипшими к лицам мокрыми волосами. Итак...

– Двиньтесь. Я сяду, – нарочито низким голосом сказала я кучке солдат, сидевших вокруг костра.

– Ты ещё кто? Молодняк, а дерзишь!

– А, сил моих нет больше слушать хвастовство командира Рейдана! – возмутилась я.

– А, так ты из «Рея»? Слышал, генерал Феаген наорал на него так, что будь здоров! – сразу повеселел тучный солдат и подвинулся, освобождая место у костра.

– Для виду наорал, – усмехнулась я, плюхнувшись. – На деле похвалил за инициативу. Вот командир собой и доволен.

Надо отвечать быстро, но аккуратно. Всё, что я слышала на поле боя, это пара фраз. По ним можно сказать, что командующий «Рея» – довольно тщеславный человек (совсем как Кон Кей). С этим я, кажется, не промахнулась. И, кажется, с генералом Феагеном они в хороших отношениях.

– Так ты что? Новичок, что ли? – продолжал болтать со мной тот же солдат.

– Да, а что, так заметно?

– Все бывалые люди Рейдана уже давно привыкли к его причудам.

– Ага, и что он у Феагена в любимчиках ходит, – буркнул солдат в шлеме, что сидел напротив. Чего он его не снимет?

– Если для того, чтобы попасть в любимчики, надо сломя голову на врага броситься, то да, командиру Рейдану тут нет равных, – с гордостью и лёгкой усмешкой произнесла я.

– Эй, а ты не зазнался, малец? Тут полно отчаянных парней, помимо твоего командира! – солдат, что первым заговорил со мной, сгрёб меня в охапку.

Ужас. Когда он последний раз мылся? Впрочем, а я-то?

– Да не. Я слышал, что командир Рейдан больше не станет обороняться, а погонит врага со склонов. Кто ещё на это решится? – отозвалась я, немного задыхаясь в объятьях этого медведя в форме.

– Какая лошадь тебе нашептала? У всех один приказ – удерживать позиции. И на завтра тоже. Нам же только что об этом объявили, – отозвался третий солдат с жареной ножкой кролика в руке.

– У шатра командира об этом говорили. Мол, он хочет показать генералу, что достоин повышения. Тот обещал ему награду, если командир отличится в этой войне.

– Да бред это! Выходить с пятью сотнями против двадцати тысяч. Даже Рейдан не такой дурак.

– Я не знаю, что командир собрался там делать, но он уверен, что сможет, а все остальные будут стоять и смотреть. Командир так и сказал: что у сотников, что у тысячников кишка тонка, а то б давно отбросили этих свиней обратно в их загон, да по домам пошли.

– Тц. Вот и посмотрим, чего он стоит со своим бахвальством. А мне ещё жизнь дорога, – насупился солдат в шлеме.

– Да? Ну, и ладно! Стойте и смотрите. А все почести достанутся нам, – я потёрла руки от предвкушения наживы. – Может, и я получу повышение в мою первую же кампанию!

Ну, давайте. Неужели среди вас нет ни одного честолюбца?

Дальше гнуть эту линию опасно. Я поднялась с места и зашагала прочь. Слабый эффект. Если бы Рейдан не был любимчиком генерала, всё было бы проще. Они уверены, что, в отличие от него, им, нарушь они приказ, не избежать наказания.

[Примечание внутреннего голоса: в древних царствах солдат, послушавшихся приказа, казнили – это закон. Тебе не кажется, что подобные подстрекательства выглядят дохлым делом?] *[Примечание повествователя: забей, здесь я закон]*

Надо подходить с другой стороны. Насколько я могу судить из услышанных пересудов, есть те, кто восхищается отвагой и безрассудством Рейдана, и есть те, кто его ненавидит за покровительство генерала и пренебрежение правилами. Кто из них попадётся в капкан? Посмотрим...

«Я слышал, что некоторые сотники обещали своим отрядам награду, если они отбросят врага дальше укреплений», «Вы слышали про пари, что Рейдан тайно заключил с некоторыми командирами?», «Командир Рейдан сказал, что никто, кроме него не осмелится выйти за укрепления и разбить врага», «Слышали? Командир отряда „Рей“ сказал, что съест свой шлем, если чьему-то отряду хватит силёнок отбросить врага дальше склона».

Я распространяла разговоры почти всю ночь. Надеюсь, сработает. Слухи, пущенные в нужный момент, разрушали царства, авось расколоть пятитысячный отряд у них получится. Что солдаты любят делать, когда страдают от безделья, так это судачить. С первого дня у них не было стоящей битвы, только оборона. На этом безопасном холме бывалым воякам она быстро наскучит. Надеюсь, нескольких часов будет достаточно, чтобы эти слухи распространились по небольшому лагерю. Мне опасно тут надолго оставаться. Разговоры, что я пустила, дойдут и до отряда «Рей», и в этот момент мне лучше быть далеко отсюда. Хотя даже если не дойдут, вражеская униформа, что в этом лагере стала мне щитом, сослужит дурную службу, если меня как солдата этой армии отправят против моих же союзников. И докажи своим за две секунды, пока тебя не убили, что ты не враг.

Небо начало светлеть у горизонта. Надо уходить.

Часовые за это время сменились. Похоже, «по нужде» тут самый универсальный предлог. Так, я вышла за пределы ограждений, но чувствую, как в спину мне уставились часовые. Тудум. Тудум. Спокойно. Осталось самое малое.

– Эй! – окликнул меня один из часовых.

Тудум, тудум. Тудум, тудум. Не дрожи.

– Д-да?

Не оборачивайся – заметят.

– Ты далеко собрался? Здесь справляй.

Глубокий вдох.

– Справишь тут, когда все пелятся!

Какая детская причина!

– Хахах! Ну, иди, раз ты такой стеснительный малыш! – только рассмеялись часовые.

Фух. У меня чуть сердце не прихватило. Быстро отсюда! Прочь из этого места! Переодеться не забыть, а то меня прикончат свои же, как только увидят. Где же это дерево? Чёрт! Я не могу его найти! А, времени нет! Часовые могут заподозрить долгую отлучку и спуститься искать меня. Нужно уходить.

Пока спускалась, распустила волосы, закатала рукава на униформе. Не поможет. Её цвета не скрыть, даже вымазав в грязи. Проклятье! Так. Медленно и спокойно. Тц! Теперь я к своим иду, как к врагам. Это ж надо было так влипнуть!

– Стой! Назовись! – наши часовые приготовили копья и натянули луки.

Я не рискнула сразу выйти из-за деревьев, ведь в случае рефлекторной атаки лучника нужно успеть за ними скрыться.

– Моё имя Акили! Я командир-сотник отряда «Ли»! – крикнула я.

– Я тебя не слышу! Подойди ближе!

Чёрт! Почему у меня такой тихий голос? Не самое располагающее качество для командира.

– Хорошо! Я медленно выхожу! Не стреляйте!

Спокойно. Тудум, тудум. Тудум, тудум. Без резких движений. Пожалуйста, дай мне благополучно вернуться. Как только часовые увидели меня, они крепче сжали древки копий. А лучник ту же натянул тетиву. Да, вражескую форму и в темноте узнаешь, а вот узнаешь ли в ней союзника? Я сделала несколько шагов вперёд с поднятыми руками. Пожалуйста, пусть всё будет хорошо. Я не хочу умирать от рук своих товарищей после того, как выжила там. Пожалуйста. Пожалуйста. ПОЖАЛУЙСТА!

– Моё имя Акили! Я командир-сотник отряда «Ли»! – повторила я. – Выполняла поручение командующего тремя тысячами Кон Кея! Приведите заместителя отряда «Ли» Ратмира. Он подтвердит мою личность.

Я предупредила Ратмира, куда направляюсь. Он был напуган моим заявлением, но пожелал благополучного возвращения.

Часовые что-то тихо сказали друг другу, после чего один из них ушёл. Стрела лучника по-прежнему нацелена мне в сердце. Минуты молчания тянулись так долго. У меня дрожат руки, я устала держать их поднятыми. Так жарко, словно вместо сердца в груди огненный шар. Пожалуйста, быстрее разберитесь с этим, слишком много подобных вещей произошло всего за одну ночь, или лучше уж сразу убейте меня. Я так устала.

Наконец, часовой вернулся. За ним поспешно шёл Ратмир и...

– Идаир?

– Акили!

Он перепрыгнул через ограждения, подбежал ко мне, схватил меня за плечи и крепко сжал их.

– Твой заместитель только что мне всё рассказал! Ты сумасшедшая, – констатировал он.

– В самом деле? Так и сказал? – устало отшутилась я.

– Явиться в наш лагерь во вражеской форме! Это ж надо! – вдруг засмеялся Идаир.

– Ах, вот ты о чём. Не о проникновении во вражеский лагерь? – хах, один взгляд на этого парня, и меня уже пробирает на смех.

Подошёл Ратмир и отсалютовал мне.

– С возвращением, командир. Я сообщу отряду, что Вы благополучно вернулись.

– ...Ты им сказал?

– Конечно. Кто как не отряд должен знать и славить подвиги своего командира, – это был первый раз, когда я увидела улыбку Ратмира.

Не поняла: он серьёзно или это был сарказм?

– Удалось ли мне совершить подвиг, Ратмир, станет известно в сегодняшней битве. Если нет, командующий Кон Кей снова назовёт бесполезной и сдерёт с меня пять шкур. Возможно, он даже решит распустить отряд «Ли».

– То, что Вы сделали, для отряда «Ли» уже стало подвигом, – отметил мой заместитель.

– Всё это, конечно, хорошо, – начала я, а потом добавила извиняющимся тоном, – но не мог бы ты подыскать мне одежду, а то, боюсь, в таком виде я и десяти шагов по лагерю не сделаю...

Сегодняшнюю битву я жду с таким замиранием сердца, будто этого зависит моя жизнь. Дадут ли плоды мои вчерашние усилия? Достаточно лишь небольшого отклика, чтобы пошла цепная реакция. Получится ли? Внешне всё выглядит как обычно: с восходом солнца враг занял оборонительную позицию на своих укреплениях, а наша пехота готовится к штурму. Я наблюдаю сегодня со стороны, но моё сердце то колотится, то готово остановиться при любом движении противника. Вот и сигнал к атаке, пехота пошла в бой. Согласно плану мы активно наступаем на противника, вплотную подойдя к укреплениям, потом якобы под его сильным напором даём слабинку и ломаем строй. Показываем такую соблазнительную брешь.

Мурашки по коже... Получится ли?

Кто-то из вражеских пехотинцев бросился в атаку на «ослабевшего» противника, поведя за собой небольшую группу. Рано радоваться, они ещё слишком близко к укреплениям. Их число невелико, дать им отпор. Какой-то вражеский сотник дал приказ помочь товарищам, и вот за укрепления вышло две с половиной сотни солдат. Мало. К тому же близость к собственной линии обороны заставляет их чувствовать себя в безопасности. Нужно вести с ними равный бой, можно даже медленно прорываться через фланги, заставляя их нервничать. Да! Приказ, и ещё два вражеских отряда присоединились к битве! У них преимущество местности, они начинают нас теснить. Всё ещё мало.

– Ха! Как будто мы дрогнем перед этими трусами, что засели в своих укреплениях! Их командиру пришлось бы к лицу то платье! Вперёд! Они ни на что не способны, если сбросить их оттуда!

Молодец, Идаир. Я рада, что рассказала тебе всё. Задетая гордость провоцирует на ошибки, и сейчас около тысячи вражеских бойцов хотят содрать с тебя кожу. Будь осторожен. Мы специально послали сегодня в атаку небольшую часть армии, чтобы наше отступление не выглядело фарсом. Теперь нас вполне обоснованно теснят.

Идаир удачно выбрал момент и, привлекая как можно больше внимания, крикнул:

– Ах вы, трусливые свиньи! – изобразив замешательство, он обратился к своим. – Отряд Идаира, отступаем назад, готовимся к перегруппировке!

Враги с рёвом кинулись реабилитировать свою задетую гордость на того, кто недавно оскорбил их. Наши ряды начали сдавать назад. Противники всё более воодушевлялись, их боевой дух рос, а боевой клич подхватывался всё большим количеством солдат и накрывал наших воинов, словно лавина, сошедшая с гор, оглушая, заставляя пятиться, отступать. Враг в припадке дикого восторга гнал наших воинов вниз по склону, увлекая за собой всё больше отрядов.

Хорошо. Ещё ниже. Они уже вышли за пределы основных укреплений. Ещё чуть-чуть. Наша пехота сдавала под напором, ряды путались, в построении возникали бреши. Я знаю, это стоило чьих-то жизней, но... ещё немного. Пожалуйста, ещё немного.

Вражеские командиры начали волноваться и оглядываться, они заметили, что зашли слишком далеко. Нельзя дать им опомниться! Командующий Кон Кей!

Я обернулась на трёхтысячника, что всё это время стоял недалеко от меня и наблюдал за битвой. Правда, в моём слове он совсем не нуждался, и секунду назад уже скомандовал коннице, что находилась у подножия холма на флангах, ринуться в атаку. Ранее она не могла

принять участие в битве из-за крутого склона и все эти дни стояла в ожидании своего часа. Теперь, когда враг спустился достаточно низко, конница с воодушевлением бросилась в бой. Клич наших воинов накрывал противника, стук копыт заставлял землю реветь под его ногами, и наши знамёна стояли у него перед глазами, вынуждая понимать очевидную истину – он совершил ошибку. Конница пробила вражеские фланги и вместе с контратаковавшей пехотой зажала противника в смертельные клещи. Островок неприятельских воинов начал стремительно таять под приливом атаки. Их ряды гибли под ударами и копытами лошадей.

Получилось... Двум небольшим группам пехотинцев всё же удалось вырваться из нашего окружения и вернуться под защиту укреплений. Среди них мелькнуло знамя «Рей», я проводила его глазами без эмоций. Кровь остальных обгарила склон природной крепости, а их товарищи беспомощно смотрели на это сверху, сдерживая внутри злость и отчаяние.

По подсчётам наши потери в этой битве составили меньше четырёхсот человек. Противник лишился около двух тысяч восьмисот человек – больше половины своих сил.

Дальнейший захват холма был делом времени. Укрепления природной крепости, подобно управлению кораблём, требовали определённого количества человек для эффективной защиты. Теперь же в их обороне зияли огромные бреши. Наутро командование нашей второй армии отправило на штурм значительную часть пехоты. Я ни на что не рассчитывала, но командующий Кон Кей всё же согласился с моим предложением и отправил на другой склон холма отряд из трёхсот человек. Я добила того, чтобы люди «Ли» были в него включены. Та же тактика, что и в первый день, но на этот раз всё было иначе.

Холм стал нашим. И я никогда ещё не чувствовала себя такой счастливой, что не могла сдержать улыбку. Без этого холма мы бы не смогли отправиться дальше. Я понимаю. Для того что бы повернуть подобную тактику понадобилось много всего. Удача, что я услышала реплики вражеских командиров, пробралась без подозрений во вражеский лагерь и успешно подбила солдат на нарушение приказа командования – удача и изрядная доля безрассудства. Мастерство командиров, блестяще изобразивших атаку и отступление. Реплики Идаира, что спровоцировали врага и запустили цепную реакцию среди противников. Инстинкты командующего Кон Кея, вовремя отдавшего приказ коннице (и чудо, что он вообще выслушал при своём-то ранге не зарекомендовавшего себя сотника вроде меня). И, конечно, сами воины, что уничтожили более половины сил врага. Не будь у нас хоть одного элемента, всё пошло бы прахом. Но... но то, что эту цепочку запустила я, что всё это произошло с моего слова и началось с моих действий, делает меня невероятно счастливой.

Здравствуй, понедельник. Я тебе не рада, да так, что чуть не проехала нужную станцию. Я даже зевнула и потянулась, как после сна. Слишком глубоко ушла в мир Акили. «...ажаемые пассажиры, пожалуйста, побыстрее производите...». Да слышу, слышу. Выхожу. Впереди очередной день на скучной работе.

Другие скажут: «Если ничего не меняешь, значит, тебя всё устраивает». Ну, знаете ли... Не сказала бы, что я карьеристка. Меня устраивает, что работа не слишком напряжённая, на жизнь хватает, а если дел немного, я могу читать книги. За несколько месяцев на этой работе, я прочитала столько, сколько, пожалуй, за предыдущие пару лет.

Сейчас меня в рабочем компьютере дожидаются последние двадцать страниц «Элджернона»²³ – история о том, как парень с очень ограниченными умственными способностями участвует в эксперименте по улучшению интеллекта, но уж больно не стабильны оказались результаты...

²³ Дэниел Киз «Цветы для Элджернона»

В общем, я рада, что мне удаётся читать, а что касается скучных обязанностей, то более интересные мне никто не предлагал.

– Привет.

– Привееет.

– Доброе утро.

– Ага.

Коронной фразы альфы «лови документ» не было, значит, работы пока нет. Мне, конечно, ещё и SMM-щик что-то присылает, и дизайнер кидает на проверку текст для картинок, и внештатные фрилансеры, но с этим я управляюсь быстрее, чем с «творчеством» альфы. О, сообщение от начальства – директора этого агентства, менеджера по продажам и ещё кого-то в одном лице, которое появляется тут примерно раз-два в месяц. Пишет, что получил крупный заказ на рекламу, и нам всем надо хорошенько поработать.

«Помогите копирайтеру с объёмом текстов» – приписка лично мне. Что? Это значит, мне ещё её (альфы) работу выполнять? С чего бы?

«В этом месяце будет премия» – а, с этого и надо было начинать. Хотя, если премия, то её все получают, так почему за ту же цену я должна делать больше?

**Ты само трудолюбие*

Ну, разумеется. Так меня труднее использовать. Что ж, похоже, в ближайшее время я не узнаю, чем закончилась история Чарли²⁴. Эх, там совсем чуть-чуть осталось, а после работы я не желаю видеть никакие тексты, а то мне везде начинают мерещиться запятые не в тех местах.

Последующую неделю весь производимый текстовый контент сыпался на меня в надежде на скорейшую проверку. Не только с нашего офиса. Начальник нашёл на это дело ещё парутройку дополнительных фрилансеров, поэтому и их тексты доставались тоже мне по электронной почте. Да столько, что под конец рабочего дня я уже не была уверена в правописании и обособлении самых простых слов. Курсор на мониторе то и дело перемещался между «окнами» текстов и электронный словарь. Кучи несвязных слов застряли в моей голове и тяжелели с каждой прочитанной строчкой. Ещё и альфа гонится за количеством, а не качеством, так что на мне ещё и переделка её текстов («помогите копирайтеру»!). Она хоть видит разницу между своим черновиком и чистовиком после меня? Лучше не буду спрашивать, себе дороже... Чёрт, не туда слово вставила. Ох, трудовые будни!

**Давай-давай, не отлынивай. Думай о премии*

Я сейчас, кроме как о премудростях родного языка и проверке цифр и имён, вообще ни о чём думать не могу!

– Всё! Перерыв! – объявила альфа, громко стукнув по клавиатуре.

В кои-то веки я с ней согласна. Свернула все «окна».

Дизайнер тоже согласился с порывом альфы передохнуть и налил себе из термоса свежую порцию мате. Я обойдусь водой. Залпом выпила целый стакан.

Фух, жива

**Всё, перерыв окончен!*

Ни за что.

– Там дождь или снег? – спросила альфа, выглядывая в окно.

– И дождь, и снег, – отозвался программист и отодвинул от края стола клавиатуру.

– Лучше снег. Дождь дурацкий, – альфа потянулась как после сна и направилась к кулеру за горячей водой к чаю.

– Да ладно. Это же просто дождь, – вдруг подала голос я.

Ой, зря я это сказала. Альфа набрала в лёгкие побольше воздуха, и понеслось:

²⁴ Главный герой выше упомянутой книги «Цветы для Элджернона»

– Если б ты хоть когда-нибудь делала укладку волос, то поняла бы всю дурацкость дождя, – (слово-то какое «дурацкость»). – Я по полчаса их укладываю, чтоб хоть какой-то объём был, а выйдешь на улицу в такую сырость, и через пять минут, как мокрая курица. Никакой зонт не спасает. У меня дома уже целый набор лаков. Все перепробовала: двойная фиксация, тройная, экстра-фиксация, мега-, ультра-, супер- – и хоть бы что...

Мне это неинтересно хотя бы потому, что я не имею понятия, в чём отличие между этими ультра- и мегафиксациями.

– А чем они отличаются-то? – озвучил мою мысль дизайнер.

– Не знаю! – хмыкнула альфа, – Одни сильнее склеивают, другие мягче.

Вот-вот, и я не представляю.

**Зато ты знаешь, чем различаются тактика и стратегия, помнишь пять основных элементов войны по Сунь-цзы и год конструирования пистолета Макаровым*

Да уж, эти знания для современной девушки – самое оно.

Альфа всё ещё перечисляла тягчайшие преступления дождя, я уже даже перестала делать вид, что слушаю её. Да-да, нижайше прошу прощения за то, что не оценила масштаб твоей трагедии, только прошу: прекрати этот словесный поток, а то я уже в нём мысленно буду ставить знаки препинания. И почему только *мне* приходится каждый раз лезть за словом в карман? Жаль, не умею на одном дыхании нести полную ахинею, которая заставит любого оппонента в словесном поединке отозвать все свои аргументы, лишь бы я просто заткнулась. Очень полезный навык. Полагаю, талант альфы в этом.

Снежинки за окном прилипают на мгновение к стеклу и тают, сливаясь с дождевыми дорожками. Неоновые вывески кофеен и магазинов отражаются в лужах цветными причудливыми фигурами – гораздо более интересными, чем их оригиналы. Так вот оно какой – зеркальный город, изменяющееся рябью с каждой падающей каплей, каждой проезжающей машиной и каждым шагом прохожего. Эти переменчивые огоньки очаровывают. Вот они манящие огни большого города, потонувшего в серо-снежной дымке буднего вечера.

Прохожие бредут в этой дымке, держа в мыслях свои сиюминутные дела. Ходят с цветами, сумками, большими пакетами. Хм, вижу у входа в метро попрошайку. Он там каждую неделю сидит, причём в одни и те же дни. Постоянно прохожу мимо него. Нет, ничего не дам, потому что вас слишком много таких на ступеньках, обочинах, у церквей и торговых центров. Как оправдать перед собой выбор именно этого человека, а не того? Да никак. Я скорее склонна верить, что просиживание здесь с протянутой рукой – их обычная работа, чем нужда. Как-то раз я стояла у входа в метро и ждала человека. Через пять минут на меня прикрикнула старушка, что стояла в четырёх метрах от меня с табличкой с очередной жалостливой надписью. Она крикнула что-то вроде: «Стой в другом месте! Не загораживай меня». «Поможем всем миром», как часто пишут в интернете, да? Мир не хочет вам помогать. Он себе-то помочь не может.

Бывает, я даю деньги тем, кто подходит ко мне на улице. Не знаю, лицо у меня, что ли, такое добродушное? Редко даю, но бывает, когда есть настрой. Обычно их истории похожи: украли кошелек – нужно на проезд, не хватает денег, чтобы купить себе и ребёнку поесть, или нужно накопить на билет аж до другого города. Даже если их истории местами кажутся странными, каких-то людей мне действительно хотелось порадовать. Но это случается настолько редко, что данное желание скорее результат прихоти, чем доброты. Все они обещали за меня помолиться, кто-то записал мой телефон и поклялся всё вернуть. Кстати, ни один не вернул. Я и не жду.

– Бета, я вообще с тобой говорю.

Ах да, альфа. Стоит со скрещенными руками, опершись на стол, и чего-то ждёт от меня. Я не слышала, что она спросила и спрашивала ли.

– Не знаю. По-моему, в метро все укладки бесполезны, – бросила я наобум и изобразила беспокойство. – Блин, у меня уже два сообщения от фрилансеров.

Конец трудовой недели. Свободна. Это была последняя порция текстов. Премию обещали скоро доставить, и пусть только этот начальник не сдержит слова!

**И что ты сделаешь?*

...Сильно обижусь! А пока впереди выходные. Не надо думать, что я перемещаюсь только из дома на работу и обратно. Я выхожу гулять... нет, не только по недрам своей фантазии. Я иногда хожу в кино и театры, правда, здешние цены ввергают в ужас. Это должно быть действительно что-то выдающееся и любимое, чтобы мне захотелось настолько облегчить свой кошелек. Но подобные походы бывают редко. Обычно мой досуг составляют менее дорогостоящие развлечения...

**Компьютер*

...например, какие-нибудь фестивали и прочие мероприятия чаще всего в парках. Благо, в этом городе они происходят так часто, что можно взять любой день и наткнуться в афише на событие. Правда, я давно заметила великую разницу между анонсом в интернете и реальным мероприятием. Если в интернете пишут, что будут песни, танцы, конкурсы, ярмарка (а это содержание 80% афиш), то на деле ты увидишь что-то в духе кружка школьной самодеятельности. На что я и наткнулась в этот раз. К какой сцене ни приди...

«Давайте поаплодируем» – не хочу.

«Выступает (тот-то), встречайте!» – не знаю такого.

«Я не вижу ваших рук» – они там же, где и у тебя

«Я вас не слышу. Где вы?» – протри уши.

Скука. Что ж, раз уж никто меня не развеселил и не порадовал, то остаётся порадовать себя самой! Я вижу блинную. Там обычно готовят вкусные блинчики с бананом и шоколадом. Вот теперь выходной удался... куплю ещё один, за эту неделю я заслужила.

За эту кампанию мы захватили пятнадцать крепостей.

Меня и Идаира в этой войне временно возвели в ранг командующих тремя сотнями. Ряды наши отрядов пополнились людьми из сотен, чьи командиры погибли в бою. И я по-прежнему в качестве приветственной речи несла какую-то ерунду. Воины, что были со мной в первый день битвы за холмы, едва сдерживали свои улыбки, слушая меня. Внутри я нахмурилась на это, но, похоже, смущение и недовольство ни капли не отразились на выражении моего лица, поэтому благополучно остались незамеченными. Впоследствии я просто вздыхала и улыбалась на это вместе со всеми. Публичные импровизированные речи никогда не являлись моей сильной стороной. Но солдаты знали, что в сражении я кардинально меняюсь, поэтому они шли за мной.

Мы бросались в бой, добывая славу и имя. Воины привыкли к оглушающему рёву битв и набрались опыта. Поле боя словно стало игровой доской, где мы проворачивали различные военные тактики. Я почти перестала обращать внимание на лица врагов и вместо этого высматривала в суматохе выгодные позиции для атаки, а рука с мечом, подчиняясь рефлексам, отражала направленное на меня оружие. Я мыслила уже не как Акили, а как целый отряд «Ли», и такая позиция в бою приносила свои плоды. Задавая общее направление действий, я поощряла инициативность солдат, и они стремились к своим собственным подвигам. Хотя наши усилия не более чем капли в огромном и мощном море армии, но только благодаря общим стараниям таких капель, враги увидели величие нашей силы и стремление победить.

Несколько мелких крепостей сдались без боя, другие отчаянно сопротивлялись. Некоторые вражеские командиры выводили бой за пределы крепостных стен. Признаюсь, возможность столкнуться с ними в открытом поле радовала меня куда больше, чем стучаться в закрытые ворота, ибо осаждать крепости, мягко говоря, крайне неудобно. Так прошёл не один месяц.

Несмотря на утомительные походы, я чувствовала себя прекрасно, будто у меня за спиной выросли крылья из трёхсот перьев. Что будет, когда их станет тысяча, две, пять тысяч? Воздух поля битвы всё ещё душит и пропитан запахом крови, но сейчас я делю его с товарищами. Я сражаюсь вместе с ними, выживаю с ними и наслаждаюсь заслуженным отдыхом в лагере. И как же мне льстит, когда они называют меня командиром и следуют за мной по моему слову.

Конечно, кого-то мы теряем. Многие говорят, что поле боя – это смерть, и те, кто вступают в битву, должны быть готовы к тому, что сегодня видели последний рассвет. Не скажу, что они неправы, но я вижу там не только потери, но и приобретаю что-то важное.

– Отряд «Ли»! Вы с авангардом. Приказ: атаковать фланг противника.

– Есть!

Я верхом на лошади веду за собой людей. Авангард противника также составляет пехота. Они не делают ничего оригинального, похоже, это будет простое столкновение грубой силы. Нет, постойте... Как только пыль, поднятая вражеской пехотой осела... конные лучники. Это паршиво. Не подумала бы, что в гарнизоне крепости есть такие отряды, скорее всего, они прибыли туда как подкрепление, когда мы застряли меж двух холмов.

– Отряд «Ли», уклон влево!

Совсем небольшой. Если нам удастся быстро прорвать фланг противника, то мы доберёмся до этих лучников до того, как они развернут лошадей. Теперь вперёд. Только вперёд. Сердце по-прежнему замирает в последние секунды перед столкновением, но крылья за моей спиной поднимают меня выше земли, словно я атакую с высоты небес. Ха, теперь не придётся нырять под копыта, рискуя быть раздавленной собственными союзниками!

Три секунды до столкновения. Небо пронзила тысяча стрел, словно взлетела стая птиц и пикирует на наши головы. Щит. В бою на земле он для меня слишком тяжёл, но конь позволяет мне возить его. Две секунды до столкновения. Стрелы звонким градом стучат по бронзе. До чего неудобно – чтобы атаковать мечом и одновременно вести лошадь, мне нужны обе руки. Одна секунда до столкновения. Я вдыхаю пыль, во рту скопилось много слюны. По вискам к макушке пробегает дрожь и застывает лёгким напряжением. Чувствую ауру противников, что стеной выстроились передо мной. Я должна разбить эту стену, войти в неё как нож! Бросаю им в головы щит (такого они не ожидали) и пробиваю строй своим мечом и конскими копытами. За мной в эту брешь устремляются воины.

Проклятье! Мы встали. У них очень плотные построения. Меня пытаются сбросить с лошади, так громко кричат, конь нервничает. Мы это уже отработали, и мне на помощь по правую и левую руку тут же встала моя пехота. Мне нужно лишь не углубляться слишком далеко, а за тылы можно не беспокоиться.

– Кою! – я слезла с лошади и позвала мальчишку из своего отряда, вручила ему поводья – Уведи пока коня, он мне ещё понадобится.

На лошади нельзя останавливаться в окружении врагов, а идти вперёд, оставляя позади пехоту, тоже нельзя. На меня как на единственного всадника в этом отряде летит большинство ударов. Мне нужно синхронизировать свою скорость с остальными. Мне нельзя умирать или этому отряду конец. Закон войны: убей командира, и обезглавленный отряд теряется и гибнет. Нет, я выживу здесь вместе со всеми. Сейчас я не имею права умирать.

В битве, если приглядеться внимательней, становится ясно, действия какой части отряда наиболее скоординированы и, где находится его командир. К тому же... он обычно самый шумный даже для поля битвы.

– Ахаха, гляньте на них! Они сражаются так плохо, как будто ими командуют девчонки, – вдруг засмеялся один из вражеских воинов, что стоял рядом с командиром в шлеме с белыми конскими волосами.

Что. Ты. Сейчас. Сказал?

– Командир Акили? – моих людей насторожила моя резкая остановка.

– Я нашла цель. Вон тот, – с дёргающимся глазом я указала на того шутника.

– Вы уверены? – замялись остальные. – Командир – тот, что правее...

Я повернулась к своим людям и лучезарно улыбнулась:

– А-мне-пле-вать. Я хочу его голову. А там и командир поблизости, – искомандовала тихо, но серьёзно. – Вперёд.

Я ему покажу, что нет никого страшнее оскорблённой женщины.

Сквозь ряды противника мы прорвались. Мне показалось это куда более лёгким делом, чем вначале. Мы даже уничтожили малую часть отряда конных лучников. Им тогда скомандовали отступать и продолжать обстрел. Один из дротиков глубоко впился мне в голень, пришлось снова сесть на лошадь, чтобы не замедлять темп. Стрела поцарапала щёку. Вторая волна противника выдвинулась вслед за отступлением лучников, но наш авангард уже снёс вражеский и приготовился к атаке новых противников. В итоге вторая волна наших воинов выдвинулась только с третьей вражеской и разбила её. Ослабевший противник отступил в крепость, но мы преследовали его до самых ворот и, не дав передышки, начали штурм. Четырнадцатая крепость пала.

Ночью в лагере царило веселье. Все разговоры были о том, что поход скоро завершится. Оставалась последняя пятнадцатая крепость, в комплекс которой и входили остальные четырнадцать. От господства в этом районе нас отделяла лишь она.

– Они совершили ошибку, когда вышли за пределы крепости сегодня. За стенами у них был бы шанс. Сколько вон мы провозились с каким-то холмом, – рассуждал Идаир, когда мы бродили по лагерю, переваривая ужин и изнывая от безделья.

– Они рассчитывали на мощь конницы. У них её было куда больше нашей. Сколько пехоты погибло под её копытами...

– Просчитались. В итоге всё равно заперлись в крепости, но уже побитые. Им даже не стоило пытаться! Они проиграли, когда наша пехота с конницей смели их третью волну. Как твоя нога?

– Заживёт. А что бы ты сделал на их месте?

– Хм, – Идаир ненадолго задумался. – Защищал бы крепость с самого начала. Если у них такие умелые лучники, то продержались бы на стенах. Ветер для них дул попутный.

– И сколько бы держались? Вряд ли кто-то расщедрился бы на подкрепление в ближайшее время. Мы разбили все их отряды в этом районе. До соседнего далеко.

– Рано или поздно что-то да произошло бы. Длительная осада глубоко на чужой территории нам не выгодна. А ты бы что сделала, будь ты командиром этой крепости?

– Я? Ну... Мне на ум приходит лишь один трюк, – я уселась у костра, протянула к нему ладони и, вдыхая ароматный запах поленьев, смотрела, как пляшут в темноте языки пламени. – В древности один полководец оказался перед лицом противника, многократно превосходящего его по численности, и стремительно отступил в крепость. Он прекрасно понимал, что таким малым числом не удержит её стены. И тогда он приказал распахнуть городские ворота, велел воинам отложить оружие, взять мётлы и подметать дороги...

– Что сделать?! – брови Идаира поползли вверх.

– ...а сам сел на городской стене и стал играть на флейте. Пришёл враг и остановился в замешательстве. По логике вещей тот полководец должен был запереться в крепости и выставить воинов на стены, но он поступил и вовсе наоборот.

– И что противник? – мой нетерпеливый товарищ подался вперёд.

– Заместитель вражеского генерала усмехнулся: «Ага! Они смирились со своей судьбой и сами открыли нам ворота. Войдём же в них!». Генерал нахмурился: «Что-то не так. Посмотри, почему, когда враг на пороге, жители подметают улицы, а их командир предаётся искусствам? Это очевидная ловушка. Если мы войдём туда, нас разобьют». И он скоординировал армию отступить²⁵.

– Во даёт! – рассмеялся Идаир. – Думаешь, этот трюк спас бы наших врагов? Мы бы ушли?

– Если бы мы не ушли, то и впрямь бы попали в их ловушку. Вспомни про конницу. На улицах города, она вполне могла бы развернуться, а в узком проходе ворот нас бы обстреляли их лучники. Я не знаю, спасло бы это их, но наши потери были бы больше, чем сейчас.

– Я смотрю, в моём подразделении любитель хитроумных трюков, – мы с Идаиром вскопили и отсалютовали командиру Кон Кею, чьё лицо и запах говорили об изрядной доле выпитого алкоголя, – Верно говорят, что женщины – страшный враг, они хитры и коварны!

Трёхтысячник громко рассмеялся и прошёл мимо. Когда он уже не мог нас слышать, я скрестила руки на груди и изобразила обиду:

– Пф! Что это он так любезен сегодня?

– Говорят, Кон Кей очень любезен с теми, кто хорошо отличился перед ним.

– Ага, и крайне не любезен со всеми остальными. Прозвучало так, будто, кроме коварства, у меня ничего нет!

Идаир тепло улыбнулся.

– Кстати, об этом. Что ты сегодня сделала со своим отрядом?

– А? Что ты имеешь в виду?

– Я сейчас проходил мимо него и слышал, как кто-то сказал, – он понизил голос и пердразнил, – «Командир Акили сегодня была страшной!»

– Что? – мои брови поползли вверх. – Я что-то не пойму, это был комплимент или как? Ну-ка выдай мне этого невежу.

Идаир начал отступление и помахал рукой:

– Эм, пока.

– Эй!

Последнюю крепость мы взяли неожиданно и быстро. Нас подняли в безлунную ночь, велели зажечь факелы, взять максимальное количество знамён, окружить крепость и издавать как можно более громкие боевые кличи. В первых рядах стояли люди. Позади нас пригнали всех быков, что ранее везли поклажу, и привязали к их рогам факелы. Поразительно. Один взгляд назад и кажется, будто нас вдвое больше. Так мы обманули глаза врага, а дикий шум, что мы издавали, обманул и уши. Коменданту крепости предложили сдаться и дали час на размышление. Спустя назначенное время городские ворота открылись.

Едва ли решение командования было спонтанным. Возможно, оно ещё до нападения дезинформировало врага, пуская слухи о прибытии к нам подкрепления. Кто-то из амбициозных командующих остался недоволен, предпочитая грубую силу тактическим уловкам. Не сказать, что они совсем не правы. Прямое нападение куда надежнее и порой эффективнее, чем хитрости, которым необходима доля удачи. Но «война – искусство обмана», «лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь»²⁶, верно? Этому учат в школах стратегов, под окнами которых я любила сидеть часы напролёт, тамошние учителя знают, что говорят. И эту битву мы выиграли без боя, не потеряв и не убив ни одного человека.

²⁵ Подобный эпизод произошёл в эпоху Троецарствия в крепости Сичэн, когда Сыма И из царства Вэй отступил перед Чжугэ Ляном из Шу. Этот приём Чжугэ Ляна впоследствии назван «стратегией пустого города». Его вариацией воспользовался Иясу Токугава против Сингэна Такэды в Японии в 1571 г.

²⁶ Цитаты из трактата Сунь-цзы «Искусство войны», глава I и III соответственно

Часть регулярного войска оставили для охраны завоеванных земель. Мы вернули исторические территории, открыли себе ворота на северо-восток и теперь могли вернуться домой. Кого-то там ждали любимые, мне же хотелось просто рухнуть на кровать и перевести дух.

На церемонию награждения в царский дворец подобных мне, конечно, не пустили. Но командование устроило нам собственную церемонию на столичной площади в присутствии старших офицеров. На такое событие солдаты, не мывшиеся абы сколько, предстали чистыми, разодетыми и причёсанными. Я же явилась туда преображённая ещё более, чем они. Мой вице-командир меня едва признал. Остальные командующие смотрели на меня такими странными взглядами, в которых явно читалось «что здесь делает эта женщина?». Это и льстило, и напрягало. Я, поддавшись самолюбию, хотела им всем показать себя. Простое, но красивое бирюзовое платье, уложенные волосы и макияж – я решила предстать перед всеми как женщина, ибо знала, что я там не для украшения и мои военные заслуги будут озвучены.

Любопытные горожане, что собрались поглядеть на зрелище, начали перешёптываться, когда я встала в ряды сотников. Солдаты же всё ещё были в замешательстве.

– Начинаем церемонию награждения! – объявил церемониймейстер под удары гонга.

Высшее командование было награждено ещё во время официальной церемонии во дворце, так что сейчас настала очередь мелких должностей: от командующих двумя тысячами до сотников. Начали с высших по чину имён, постепенно спускаясь вниз. Основной пункт похвального списка звучал как «за доблесть на поле боя». В награду же они получали монеты, оружие, иногда боевых коней.

Идаир тоже присутствовал. Он получил меч, должность командующего пятью сотнями, имя и изумрудно-чёрное знамя для своего отряда – «Ида».

– Командир-сотник отряда «Ли» Акили!

Через всю площадь я гордо шла вперёд, постукивая каблуками, мимо стройных рядов военных, искренне наслаждаясь тем, что заслужила право быть здесь.

– За проникновение во вражеский лагерь и дезинформацию врага, что способствовало нашей победе в битве, и за доблесть, проявленную на поле боя командир-сотник Акили становится полноправным командующим пятью сотнями. Командование благодарит вас за службу!

Я преклонила колено и приняла из рук генерала железный меч, лазурный плащ и лазурно-чёрное знамя «Ли».

– Благодарю, – произнесла положенную фразу и гордо вернулась на своё место не в силах сдержать лёгкую, но счастливую улыбку.

– Если б они знали, что всё произошедшее на холмах было твоей идеей, – шепнул мне Идаир, – возможно, награда была бы внушительней.

– Не сказала бы, что они совсем не в курсе, – шире улыбнулась я.

– А? То есть?

– Я пришла к Кон Кею, когда у него были все офицеры, и в их присутствии изложила свой план. Хотя я и пообещала подарить ему авторство этой затеи, из-за того, что он не потрудился выставить наружу дюжину свидетелей, истинное положение дел не могло не распространиться по лагерю. К тому же стараниями Ратмира мой собственный отряд также был в курсе всего. А солдаты, когда не заняты боем, сплетничают не хуже базарных баб!

– Т-ты что, рассчитывала на это с самого начала? – тихо и неуверенно спросил Идаир.

– Конечно! – я продемонстрировала свою самую лучистую и довольную улыбку. – Я же не настолько добрая, чтобы так просто отдать свои лавры кому-то другому.

Идаир сглотнул и пробормотал:

– Воистину командир Акили страшна и коварна...

Премия! Премия! Я тебя люблю! Ха, кому ещё я признаюсь в любви, как не честно заработанным денежкам?

**А они тебе в любви признаются?*

Нет, конечно, они же денежки, но, в отличие, от людей, дают мне то, что могут дать.

**Люди тебе в любви совсем, что ли, не признавались, раз у тебя уже крыша с денежками поехала?*

Отчего же? Мама говорила, что любит меня. Потом было двое девятилетних мальчишек в летнем лагере (с тех пор их, кстати, не видела, но даже помню, как их зовут). О!

**Ну? Вспомнила ещё что-нибудь?*

Когда мне было семнадцать, по SMS. Это был телефонный розыгрыш.

**...*

Вчера гуляла в лесопарке. Опять заблудилась и бродила полдня в поисках выхода и ближайшей станции метро. Летом в лесу так красиво. Столько оттенков зелёного на лугах и в кронах деревьев, земляные тропинки, насекомые в ярких цветочных бутонах, морщинистая от ветра река цвета спелой голубики и пугливые белки, на которых я всегда отрываю фотоохоту. Хотя в тёплое время года многочисленные озёра так облюбовывают отдыхающие, что пейзажем не насладиться. Их даже табличка «Купаться запрещено» иногда не останавливает. Временами они просто там сидят и часами рыбачат.

Вообще-то мне не мешают люди... если они не разговаривают или делают это хотя бы тихо и, уж конечно, не хохочут во весь голос. Я могу спокойно устроиться на скамейке или прямо на траве и читать книгу. Обычно я специально ухожу как можно дальше от центральных тропинок, чтобы избежать столпотворения и проникнуться благословенной тишиной, нарушаемой лишь всплесками от крыльев, когда утки приземляются на поверхность воды.

Сейчас же листва давно опала каким-то хмурым коричневым плодом, а на земле лёгкий и хрупкий иней. Но, не считая холода и сырости, это по-прежнему хорошее место для размышлений и чтения... и любителей фотографироваться. Я вздохнула. Их смех прервал мирное течение моих мыслей. После этого я и пошла искать место, где никого нет, и заблудилась. В итоге весь остаток дня искала выход, какие уж там потоки мыслей. Навигатор в телефоне, это ты виноват, обманщик!

Решено. Сегодня гуляю после работы только в интернете. Там меня никто не потревожит. Звонков ноль. Сообщений ноль. А список друзей в социальных сетях не более чем телефонная книжка, где кто-то когда-то и зачем-то оставил контакты. Половину из них я даже не помню. А вот его помню. Да, мы из одного города, вместе ходили в центр дополнительного образования ещё старшеклассниками. Хорошо ладили. И это был первый и последний раз, когда я любила.

Вообще-то бывали влюблённости. Ха, можешь смеяться, но я влюбляюсь в каждого парня, что добр ко мне. Просто это так редко бывает. Но я всегда понимаю, что эта влюблённость – всего лишь трепетная благодарность.

А вот старшеклассника любила. Мы виделись иногда, даже когда стали студентами. Просто пересекались порой в случайных местах и разговаривали. Бывало и часа не проходило, если я не вспоминала о нём и не желала услышать его голос. То и дело возвращалась в те места, где мы виделись с ним, думала, а вдруг он тоже пройдёт здесь сегодня. Иногда мы посылали друг другу сообщения по интернету, их история до сих пор сохранила все наши разговоры о серьёзных вещах и о глупостях. Я знала: он меня не любит. Я не придумала это себе, просто было заметно. Но он был так добр ко мне, и мне было так хорошо часами разговаривать с ним. Он меня не любил, и я отпустила его из сердца.

Мы так давно не переписывались. Сколько лет прошло? Что я вижу сейчас? Фотография. Он женился. Я его уже не люблю, и не должна ничего чувствовать, но... Мы были как два одиночества. Пусть я больше не люблю, пусть не вижу его, но пока он один так же, как и я, я чувствовала, что всё ещё не одна мокну под этим дождём. Теперь же он счастливо улыбается, обнимая любимую, а я сижу здесь на полу, натянув на голову плед, и с пустыми глазами смотрю видео его свадьбы... Вот они выходят из Дворца бракосочетания, он целует её и берёт на руки под дождём цветочных лепестков. Вокруг так много нарядных гостей. Они хлопают и улыбаются, что-то говорят. А теперь молодые режут свадебный торт и смеются, пытаются съесть его из рук друг друга. И это дурацкое слово «горько!», бесполезный счёт и какие-то глупые шуточки тамады...

**Зачем ты смотришь это?*

Всё ещё одна... Пойду прогуляюсь.

**Там дождь идёт*

И славно.

Не то дождь, не то снег. Я осталась в одиночестве. Но я люблю гулять в одиночестве, люблю читать в одиночестве. Люблю ездить в метро и автобусе в одиночестве и возвращаться домой в одиночестве. Я люблю есть в одиночестве и слушать музыку в одиночестве. Но когда я вижу родителей с детьми, счастливые пары или смеющихся друзей, понимаю, что, если я и люблю быть в одиночестве, это не значит, что оно мне всегда по душе. Мне просто нужен человек, который будет со мной...

Капли со снежинками искрятся и пропадают в жёлтом свете уличных фонарей. Мокрый блестящий тротуар. Отражения в лужах холодных неоновых вывесок и мягкого света из окон квартир завораживают таинственным контрастным свечением. Машины проносятся по ним, не сбавляя скорость, искажая. Пахнет сырой опавшей листвой и морозом. Хочется тепла. Редкие прохожие прячутся под капюшонами и длинными воротниками, кутаются в шарфы, жмутся друг к другу. Где мой шарф? Пар выходит изо рта и испаряется в холодной ночи. Пытаюсь продлить ему жизнь и придать форму, играя с дыханием...

Собака трётся о ноги. Прости, друг, у меня нет с собой еды. Поздние магазины уже закрываются, слишком рано гаснут их огни. Прохожих почти нет. Я не боюсь. Ветра тоже нет. Почему звёзд не видно? Это из-за туч? Хочу услышать живую мелодию и молча смотреть в глаза музыканту.

В наушниках William Joseph «Jar of Hearts». Так красиво. Я представляю, как играю эту музыку на скрипке в дуэте с пианистом, и мы наслаждаемся струящейся воздушной мелодией. Вокруг нас зелёная трава, деревья и красивые горы в закатном оранжевом свете. Лучи солнца искрятся бликами на музыкальных инструментах, вокруг извивается, танцует, ветер. Чуть серые облака наливаются дождём и опрокидывают по капле влагу на цветущую природу. Листья ложатся у наших ног узором на траве. У нас с ним разговор по душам, где слова – сама музыка. Мы играем так долго, словно это долгий разговор из легенды, что мы не хотим прерывать.

Однажды Ангел Смерти подслушал мысли мужчины и женщины, которые не были знакомы друг с другом. Они оба знали, что скоро умрут, и сожалели лишь об одном, что в их жизнях ни разу не было долгого любовного разговора. Такого разговора, когда смотрят друг другу в глаза, и время останавливается. Ангел Смерти соединил этих мужчину и женщину и сказал, что придёт за ними, когда их разговор оборвётся. Пока же он длится, они будут жить вечно...

«— Знаешь, кем я хочу стать в будущем? Я хочу стать грозовой тучей, с громом и молнией, тогда я смогу выразить свою любовь к тебе так, как мне давно хотелось, но никак не получалось. Я хочу, чтобы ты трепетала от волнения!

— В таком случае мне нужно стать морской волной, чтобы волноваться соответствующим образом. А также я смогу незаметно испаряться и наполнять тучу влагой. И мы станем одним.

— О, Бог! И небо не выдержит нас, и мы прольёмся дождём в море с блеском и грохотом...

- ...И станем шелестящей морской волной, чтобы опять воспарить...
- ...И это будет продолжением нашего вечного любовного разговора...
- ...И мы никогда не умрём».

В одиночестве под этим небом... Разговор внезапно оборвался.

Не поняла, как это произошло. Был мост через канал. На воде тонкий хрустящий, как печенье, лёд. Скользко. Короткое мгновение и замершее в испуге сердце, а потом вдруг что-то холодное, ужасно ледяное впивается миллионами крошечных иголок в тело! Ну вот, я и без того замёрзла. А дышать как? Я даже не успела вдохнуть. Невесомость. Я ничего не чувствую.

**Эй! Чего застыла? Выбирайся оттуда!*

...

**Не хочешь, да? Отчаяние совсем тебя доконало*

...

**Но разве ж ты не хотела сделать что-то перед смертью?*

Хотела. Да что-то не выходит.

**Ты хочешь жить? Если да, то выбирайся!*

Да мне как-то...

**Слушай... если отчаяние ещё не совсем убило тебя, дай своей жизни ещё шанс. Не отказывайся от неё, как мать не откажется от ребёнка, которого растила много лет!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.